

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Готтлоб Бидерман

В СМЕРТЕЛЬНОМ БОЮ

ВОСПОМИНАНИЯ КОМАНДИРА
ПРОТИВОТАНКОВОГО РАСЧЕТА

1941–1945

Готтлоб Бидерман

**В смертельном бою. Воспоминания
командира противотанкового
расчета. 1941-1945**

«Центрполиграф»

2005

Бидерман Г.

В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета. 1941-1945 / Г. Бидерман — «Центрполиграф», 2005

Это книга очевидца и участника кровопролитных боев на Восточном фронте. Командир противотанкового расчета Готтлоб Бидерман участвовал в боях под Киевом, осаде Севастополя, блокаде Ленинграда, отступлении через Латвию и в последнем сражении за Курляндию. Четыре года на передовой и три года в русском плену... На долю этого человека выпала вся тяжесть войны и горечь поражения Германии.

© Бидерман Г., 2005

© Центрполиграф, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Готтлоб Бидерман

В смертельном бою.

Воспоминания командира

противотанкового расчета. 1941-1945

Глава 1

Поход на Восток

30 июня 1941 г. Летний зной царил на бескрайних равнинах Восточной Польши, и лишь движение слегка раскачивавшегося под нами поезда помогало легче перенести жару. Тяжело груженный эшелон медленно шел по беспорядочно разбросанным сосновым лесам и степям. Земля здесь была песчаной и неводеланной. Мы ехали на восток мимо маленьких ферм и деревень, пересекая извилистые реки.

Местное население не обращало на нас внимания, только дети время от времени махали нам с пыльных улиц и обочины дороги. Мужчины и женщины, за которыми мы наблюдали с большого расстояния, растворялись в мерцающем зное, когда колеса поезда оставляли их далеко позади. Мы коротали часы, сидя или лежа под безоблачным небом, расположившись на открытых грузовых платформах между прочно закрепленными на них орудиями и машинами.

Вопреки уставам мирного времени, которым ранее подчинялась наша жизнь, нам разрешили расстегнуть верхнюю пуговицу серо-зеленых мундиров и закатать рукава, чтобы мы могли почувствовать небольшое облегчение в условиях палящего зноя. Первые известия о войне с Россией дошли до нас несколько дней назад, и мы мало говорили о нашем возможном участии в сражениях. Все были уверены, что война с Советским Союзом, как и вооруженные конфликты с Францией и Польшей, быстро закончится.

На закате появились стены и башни Кракова, священного города Польши, где в соборе покоилось сердце Пилсудского. Эшелон, скрипя тормозами, медленно подкатил к полустанку, расположенному близ пыльной узловой станции. Нам разрешили выйти из вагонов. Через несколько секунд нас окружила шайка неопрятных детей, на которых часовые военной полиции, стоящие с каменными лицами неподалеку, не обращали внимания.

– Bidde um bror, Herr¹, – жалобно кричали дети, жадно хватая грязными руками куски хлеба, которые мы вытаскивали из сумок и отдавали им.

«Бедная Польша», – подумал я, отдавая кусок хлеба деловитой маленькой девочке в обмен на потрепанную газету. Газета была выпущена днем раньше на немецком и польском языках, и из нее можно было узнать первые новости об операции на востоке: наступали на Лемберг (Львов); Гриндов, Брест-Литовск, Вильно, Ковно и Дюнабург быстро перешли в руки немцев. Броские заголовки гласили, что было уничтожено свыше 2582 советских самолетов и 1297 советских танков. Оккупированная Советами Польша освобождалась от ига большевиков.

Вскоре военные полицейские принялись свистеть и кричать, жестами призывая нас занять свои места в поезде. Мы гурьбой взгромоздились на платформы. Колеса вагонов протестующе заскрипели, и мы медленно двинулись вперед. Я вслух читал газету солдатам нашего орудийного расчета, которые разлеглись на ровной платформе. Я оторвал взгляд от газеты и

¹ Пожалуйста, хлеба, господин (*искаж. нем.*).

оглянулся на перрон, где теперь оставалась лишь группа ребятшек. Мы продолжали двигаться навстречу неведомой судьбе.

1 июля мы подъехали к станции, находившейся в десяти километрах к западу от Пелкини близ Ярослава. Здесь мы выгрузились и вновь двинулись на восток длинной пешей колонной (незавидный удел каждого пехотинца). На некотором расстоянии впереди нас «шенилетт», автомобиль на гусеничном ходу, взятый в качестве трофея во время Французской кампании, тащил наше противотанковое орудие.

Внезапно в нос ударил запах дыма и пепла, сохранившийся здесь, и вскоре нашим взорам предстали большие воронки и сожженная техника – поработали немецкие пикирующие бомбардировщики «штука». В конце концов наша колонна подошла к временному пункту питания, где под бдительным оком вездесущей военной полиции сестры Красного Креста, швабки, цедили холодный кофе из полевой кухни на конной тяге и половником разливали его в наши кружки. Они тщетно пытались выведать у нас последние новости из дому.

Наша длинная серая колонна тронулась в путь, оставив сестер Красного Креста позади, и походным строем стала двигаться дальше на восток. Когда нас настигли сумерки, мы укрыли технику и орудия под деревьями редкой придорожной лесополосы. Нам было приказано обеспечить противовоздушную маскировку, и мы попытались замаскировать наши позиции тонкими ветками.

На рассвете нас обогнали части обеспечения, двигавшиеся по магистрали в сторону далекого восхода. Весь следующий день мы шли следом за интендантским подразделением и во второй половине дня впервые увидели противника.

По пыльной дороге навстречу нам двигались бесконечные колонны русских пленных, одетых в потрепанную форму защитно-коричневого цвета. Многие из тех, на ком не было фуражек, привязали к коротко остриженным головам пучки соломы, служившие защитой от палящего солнца; некоторые шли босиком или были полураздеты.

Из-за странной неоднородности их одежды они казались не похожими на солдат. В их внешности воплотились черты белолицых русских, темнокожих кавказцев, киргизов, узбеков, кочевников с монголоидными чертами лица – многих народов с двух континентов, входивших в состав Советской России. Они молча, опустив глаза, прошли мимо нас; время от времени было видно, как некоторые из них поддерживают раненых, больных или тех, кто казался обесилевшим. В школе нас учили, что Европа от Азии отделена Уральскими горами; тем не менее, здесь, как мы считали в центре Европы, мы увидели Азию. Длинная колонна несчастных скрылась из вида за нашей спиной, и, когда нас настигли сумерки, мы расположились на отдых. Под усеянным звездами небом мы завернулись в маскировочные плащ-палатки и проспали до утра.

14-й противотанковой роте была отведена роль передового отряда, и мы выступили ровно в 5.00. Оседающие развалины сожженных домов были безмолвными очевидцами боев, развернувшихся в городе Ярославе во время Польской кампании, которая, казалось, проводилась очень давно, хотя с тех пор прошло всего два года. Когда в Радимо мы перешли через реку Сан, под нашими ногами оказалась уже русская земля.

Мы прошли мимо большого немецкого кладбища, оставшегося со времен Первой мировой войны. Над его воротами висела поблекшая деревянная табличка: «Памяти товарищей, павших в Дубровице». Нашей колонне не разрешили останавливаться надолго, чтобы осмотреть могилы. Мы имели смутное представление о том, сколько наших собственных могил останется возле дорог в глубине России. Вскоре на своем пути мы повстречали свежие могильные холмики с грубыми березовыми крестами, увенчанными стальными касками германского вермахта, которые нельзя было ни с чем перепутать. Эти могилы – первые безмолвные свидетели кровопролития возле дороги, ведущей на восток, – были расположены упорядоченно, рядами и колоннами. Мы пытались отвести взгляд, но могилы постоянно притягивали его. Мы про-

должали движение, а безмолвные красно-коричневые холмики, казалось, звали нас к себе. Они будто бы говорили: «Не оставляйте нас здесь... Не бросайте нас в этом незнакомом месте».

Со стороны Лемберга смутно доносились звуки канонады. Дороги становились все хуже и хуже, и пыль обильно оседала на солдатах, лошадях и машинах. Когда оранжевый шар солнца стоял в зените, с трудом пробиваясь сквозь облака удушающей пыли, были видны лишь смутные очертания машины, идущей впереди нашего взвода. Пот и пыль, смешиваясь, придавали очень странный вид лицам под зелеными касками. Возле Краковиц мы вновь провели ночь под тентами, сделанными из плащ-палаток.

Наш поход в никуда продолжался. Мы двигались вперед к неизвестному нам пункту назначения. На пути нам встречались убогие деревушки, расположенные вдоль дороги. Русские женщины и дети пристально смотрели на нас из дверных проемов, вглядывались в нас, скрываясь за оконными стеклами скверного качества. Единственными мужчинами, которых можно было встретить, были престарелые ветераны минувших войн.

Жители деревень, когда мы их расспрашивали, рассказывали нам о большевиках. При этом в их глазах был виден ужас, страх перед сибирскими лагерями. Они говорили нам, что в школах висели портреты Сталина. Когда сельские учителя спрашивали: «Кого вы благодарите за хлеб насущный?» – ученики должны были отвечать: «Сталина». Нас обнадежило то, что сведения о последствиях коммунизма мы получаем из первых рук. То, что мы слышали, нельзя было считать лишь происками нашей собственной пропаганды. Нидермайер заметил:

– Теперь, увидев Россию, мы поняли, какое это счастье – быть немцем.

5 июля мы миновали Лемберг. С начала войны по городу дважды наносились мощные удары, и рано поутру из тумана проступили очертания сожженных заводов, домов, лежащих в руинах, и подбитых танков. От их еще горячих остовов валил жирный черный дым. В одном из тех немногих кварталов города, которые частично сохранились, люди выстроились в длинную очередь возле продовольственного склада. Когда мы проходили мимо, они равнодушно смотрели на нас.

Военный аэродром русских под Лембергом «штуки» привели в непригодное состояние. Повсюду виднелись почерневшие самолеты и вдребезги разбитая техника, и во время привала солдаты бродили среди обломков, фотографировали друг друга на фоне разбитых советских самолетов, с любопытством отыскивали и подбирали сломанные детали, ни на минуту не забывая об инструкциях, строго запрещающих мародерство и несанкционированные реквизиции взятой в качестве трофеев техники противника. Война с Советским Союзом шла всего несколько дней, и мы с интересом рассматривали все, что было связано с Советской армией.

Наш поход продолжался всю первую половину июля. День за днем мы встречали на своем пути огромное количество подбитых русских танков. Вдоль обочин то здесь, то там попадались перевернутые тягачи с прицепленными к ним полевыми пушками. На полях виднелись многочисленные артиллерийские позиции, оставленные русскими. Они оказывались невредимыми – быстрая атака наших войск застала врасплох оборонявшихся советских солдат.

Мы удивились тому, как хорошо была моторизована Советская армия. Наша артиллерия была представлена в основном орудиями на конной тяге, как во времена Первой мировой войны. Могилы немецких и русских солдат теперь оказались вблизи друг от друга: немецкие могилы, отмеченные грубыми деревянными крестами, находились справа от дороги, а русские – слева. Русские могилы остались безымянными. Могилы обозначали лишь винтовки и штыки, воткнутые в рыхлую землю. Немецкие могилы были увенчаны характерными стальными касками, а на некоторых крестах на льняных бечевках висели личные знаки в надежде на то, что их подберут и зарегистрируют.

8 июля, когда подошли к Бродам, на широкой, изрытой глубокими колеями дороге мы обогнали интендантские подразделения и подразделения связи 71-й дивизии 6-й армии. Свя-

зисты сообщили нам, что дивизия при взятии Лемберга потеряла 600 человек убитыми и ранеными, и с уверенностью заявили, что война должна кончиться через несколько недель.

Наше наступление остановилось на старой границе между Россией и Галицией. Мы ожидали встретить ожесточенное сопротивление противника, когда 6-я и 17-я армии достигли линии Сталина, представлявшей собой ряд бункеров и хорошо укрепленных опорных пунктов. Мы были разочарованы, когда узнали, что 132-й пехотной дивизии было приказано оставаться в резерве, – большинству из нас хотелось побывать на передовой до неизбежной капитуляции Советского Союза.

14 июля ничего примечательного не произошло. Жизнь наша была скучной: мы видели дороги шириной 100 метров, по которым шел транспорт, пыль, грязь, палящий зной, грозы и бескрайние поля, где лишь изредка попадались негустые скопления деревьев, растянувшиеся до горизонта. Вдали виднелись крытые соломой колхозные постройки, и мы ориентировались по ним, как по пальмам в пустыне, чтобы выйти к незамысловатым колодцам. Нам говорили, что Красная армия, отступая, зачастую отравляла воду в колодцах. Останки лошадей, которые попадались на всем протяжении пути, издавали зловоние. Этот запах всегда будет напоминать нам о «советском рае», куда мы все больше и больше углублялись.

Наступление замедлилось, когда мы миновали Ямполь. Время от времени нам везло, и мы добывали немного лука и моркови в деревнях, через которые пролегал наш путь; реже прибавкой к нашему однообразному походному рациону служила курица или пара яиц. Мы с тоской вспоминали время, проведенное нами в Каринтии и Загребе перед тем, как началось наступление на русских, – там нам давали холодное пиво и сливовицу.

Пехота продолжала идти от рассвета до заката. Запыленные, потные, липкие, при неизменно тяжелых погодных условиях, мы все глубже вторгались в пределы Советской России. Стараясь облегчить груз нашего походного снаряжения, мы вопреки инструкциям реквизировали небольшие тележки, в которых впрягали выносливых русских лошадей. По мере того как цивилизация (в нашем понимании этого слова) отдалялась от нас, оставшись позади, эта практика все больше укоренялась. Немногочисленные жилища были убогими и, скорее всего, кишмя кишели вшами, поэтому ночи мы проводили в палатках, в стогах сена, а чаще всего – на голой земле; спали, завернувшись в пригодные для всех случаев плащ-палатки, которые выдавались каждому пехотинцу. Солдаты тех подразделений, где использовалась конная тяга, просыпались на рассвете от всхрапывания голодных и мучимых жаждой лошадей.

Мы проходили мимо деревянных зданий школ, которых было ненамного больше, чем грубо отделанных помещений, украшенных характерными красными звездами, с выкрашенной в красный цвет кафедрой, предназначенных для политических собраний Коммунистической партии. На стенах висели изодранные, запыленные портреты Ленина и Сталина. Там, где при царском режиме едва знали алфавит, Сталин ввел обязательное образование. Нас удивило то, что многие школьники немного говорили на ломаном немецком, а из пропагандистских материалов, попавших в наши руки, мы узнали, что детям давали в первую очередь политическое образование.

17 июля, впервые с начала наступления, нам доставили почту из дому. Через десять дней дивизия вступила в Украину и, пройдя через Казатин, стала двигаться на юго-восток, по направлению к Рушину. Украинская земля парила от летнего зноя. По широким песчаным и выложенным неотесанным камнем дорогам мы пришли в страну бескрайних горизонтов. Широкие беспредельные степи, нивы и подсолнечные поля окружали дороги, по которым мы шли на восток. Примитивные деревянные ветряные мельницы усеивали горизонт. Для нас они служили местом, где мы могли напиться и отдохнуть во время навевающего тоску похода по этому краю, который оставил нам незабываемое ощущение свободы, контрастирующее со вседовлеющим чувством пустоты.

Мы устроили привал в заброшенной роще акации, которая давала слабую тень посреди океана травы. Рота прошла пешком 60 километров меньше чем за двадцать четыре часа; ссадины на ногах болели, пятки были избиты в синяки. Пыльные, изборожденные полосами от пота лица, загоревшие на ветру и на солнце, из-под тяжелых касок оглядывали наши «владения». Руки, скользкие от пота, сжимали шанцевые инструменты, с помощью которых мы рыли в земле ходы сообщения. Была дана команда окапываться.

Раздетые до пояса, мы молча вгрызались в землю, а жужжание пчел поблизости напоминало нам об их тяжелом, бесконечном труде. Клеменс и Гер, водители тягачей, решили определить местонахождение ульев и найти мед. Вооружившись котелками, экипированные плащ-палатками и противогазами, служившими защитой от пчелиных укусов, они скрылись из вида, направившись к колхозу, расположенному позади огневой позиции орудия.

Поработав в течение часа, я соорудил слева от огневой позиции противотанкового орудия (ПТО) земляное укрепление установленного образца. Его высокая стенка, на которой мы должны были класть наши винтовки и гранаты, была обращена в сторону фронта. Противотанковое орудие, отлично замаскированное с помощью ветвей и травы, стояло на краю рощи. На горизонте была видна песчаная дорога, проложенная через пересеченную местность, лежащую перед нами, и ведущая в западном и восточном направлениях, а в мерцающем зное полуденного солнца виднелись очертания изб далекой деревни.

Слева от дороги, на краю позиции, ефрейтор Пелль поставил свою полугусеничную машину, спрятав ее за рощей акации, и приступил к маскировке своего ПТО. Корректировщики артиллерийских и минометных подразделений выдвинулись вперед, на свои наблюдательные пункты. На их спинах ремнями были закреплены катушки кабеля связи. Лишь изредка лязг шанцевых инструментов, фляжек и котелков нарушал спокойствие на первый взгляд мирной обстановки.

Сложив свой пыльный китель и подложив его под голову, как подушку, я только начал задремывать на полуденном солнце, когда тишину нарушил винтовочный выстрел. Одним движением я скатился в свежерытый одиночный окоп, нахлобучил тяжелую стальную каску и приложил карабин к плечу. Вглядываясь вперед, я никого не видел, лишь мягко колыбалась трава. Обучая нас обороняться, нам вдалбливали, что мы должны стрелять во все, что движется, в каждый шелхнувшийся листок или травинку. Теперь мое сердце колотилось, а в сознании мелькали тревожные мысли: придется ли мне сегодня убить другого человека? Кто первым выстрелит, кто первым поразит свою цель – я или он? Должен ли я буду убить кого-нибудь сегодня, чтобы спасти свою жизнь и жизнь своих товарищей? Мне вспомнились ряды могил с аккуратными крестами, на которых висели личные идентификационные знаки, и постарался выбросить эти видения из головы.

Слева от нашей позиции, на расстоянии примерно 600 метров, тишину нарушили звуки винтовочной стрельбы. Поначалу эти звуки были похожи на знакомые нам хлопки карабинов, раздававшиеся на стрельбище, но вскоре пули, выпущенные мимо цели, стали свистеть в воздухе и рикошетить над нами. Горящими глазами мы продолжали смотреть вперед, но ничего необычного перед нашими позициями мы не увидели. На фоне ружейного огня вдалеке отчетливо прозвучал грохот противотанкового орудия.

Через несколько минут инцидент завершился. Пыль и кисловатый запах жженого кардита медленно рассеивались в воздухе, а слева от нас безобразное черное облако поднималось в голубое полуденное небо. Мы оставались под защитой укреплений, прильнули к ним; наши сердца колотились от возбуждения. Приглушенными голосами мы пытались выяснить, что произошло. Спустя немного мы узнали через посыльного, что противотанковое орудие Пелла подбило советскую разведывательную бронемашину и что атака стрелковой роты русских была отбита.

Мы не понимали, что спустя месяцы и годы, которые нам предстояло пережить, эта короткая схватка будет восприниматься как всего лишь случайная и незначительная стычка с противником. Этот первый бой, в котором полк принимал участие, имел мало общего с жуткими сражениями в последующие годы, которые были сопряжены с утратами, скорбью и бесчисленными жертвами. Многие из нас никогда не вернутся из этой страны бескрайних просторов. Но тогда такие мысли никому не приходили в голову.

Я обратился к своему дневнику – небольшой, карманного формата, книжечке, углы которой уже обтерлись, а страницы покрылись пятнами от пота и дождя – и запечатлел происшествие.

Двое водителей вернулись с котелками, с которых капал мед. Мед послужил отличным дополнением к нашему вечернему пайку. Мы ели его с пайковым хлебом, радуясь перемене обычного рациона, состоявшего из консервированной печенки и кровяной колбасы. Мы запили хлеб и мед холодным чаем и стали готовиться к новому переходу, который должен был начаться на рассвете.

30 июля застало нас на бивуаке возле Михайловки. В течение нескольких последних дней эскадрильи советских бомбардировщиков и штурмовиков совершали налеты на отдельные подразделения. Как оказалось, они не могли замедлить наше наступление. Пехотные роты и подразделения на конной тяге двигались всю ночь и покрыли 65 километров, достигнув Каргарлыка 31 июля. Был введен ночной пароль; ходили слухи о том, что в 7.00 следующего утра начнется длительное наступление на широком фронте. Летнюю ночь мы провели завернувшись в плащ-палатки; мы сидели сгорбившись в наших одиночных окопах, замаскированных травой.

Слухи подтвердились, и 1 августа, ровно в 7.00, мы начали энергично наступать на советские оборонительные укрепления возле Мировки. Перед нами лежало огромное открытое пространство, в поле нашего зрения простиралась степь, где почти не было возможности укрыться, кроме как на идущей под уклон площадке с небольшими лощинами, невидимыми неопытным взглядом. Это давало значительное преимущество русским, поскольку, находясь в обороне, они имели возможность надежно окопаться, а перед их укреплениями лежало свободно простреливаемое пространство. Мы заканчивали последние приготовления к тому, чтобы оставить наши позиции и начать движение по открытой степи.

Почти без труда мы притащили ПТО на позицию, расположенную на краю пшеничного поля, которое предоставляло широкий сектор обстрела. Обстрел велся в восточном направлении через колышущееся зеленое море с редкими островками заброшенных картофельных полей. Первые лучи солнца заплескали на колосьях украинской пшеницы, а сквозь утреннюю дымку мы разглядели очертания двух далеких деревень на горизонте. Мы сели на лафет и стали пить теплый кофе, стараясь заглушить в себе чувство «холодка». Все стремились казаться беспечными и говорили о вещах, не связанных с войной. За этими разговорами мы пытались скрыть волнение, которое явственно читалось на обожженных солнцем лицах. Ротные офицеры сбились в небольшую группу в нескольких десятках метров от нас. Они тихо переговаривались и смотрели на позиции противника, время от времени прикладывая к глазам полевые бинокли.

В 6.50 наша артиллерия открыла огонь. Тяжелые снаряды гудели над нами, направляясь к целям в расположении позиций противника. А пехота, неся на себе оружие, боеприпасы, аппаратуру связи, взрывчатку, начала наступать на широком фронте. Казалось, что все передвижения вплоть до мелочей подчиняются какому-то четкому плану. Поэтому сначала создавалось впечатление, что происходит не что иное, как очередные учения в Пфарркиршене или Дуто-Село.

Трофейный французский транспортер с грохотом подъехал к нашей позиции. Взяв на передок наше орудие, мы влезли на транспортер и поехали вперед, оставляя позади себя облако вздымавшейся пыли. Мы проехали мимо разведывательного броневомобиля, подби-

того накануне Пеллем; наши взгляды были прикованы к ужасной и все еще непривычной картине – наполовину сожженному трупу с голым торсом, который свешивался из люка.

Два взводных противотанковых орудия, покачиваясь, двигались вперед по холмистой местности, следуя за наступающими по направлению к Каргарлыку по песчаной дороге частями. Уже вступили в бой пулеметы передовых пехотных подразделений; очереди «МТ-34S»² явственно доносились до нас поверх колосьев пшеницы. Позади монотонно бухали минометы и артиллерия, а выстрелы стрелкового оружия, наоборот, звучали пронзительно.

Внезапно вокруг нас засвистели рикошетом отлетевшие сюда пули, и мы бросились в дорожные колеи, ища укрытия.

– В укрытие! – скомандовал капитан артиллерии Гартман.

При нарастающем грохоте орудий всех калибров мы видели, как он жестикулирует вытянутыми руками и как шевелятся его губы. Его команды потонули в грохочущей пальбе орудий. Наконец-то этот миг наступил. Теперь была наша очередь встретить врага лицом к лицу. Несмотря на терзающий нас страх, мы встретили неизбежное с огромным облегчением. Это служило показателем того, как с начала похода изменились наши приоритеты.

Орудийные расчеты приступили к работе автоматически, точно так же, как многократно проделывали это и раньше на учениях. Номера первый и второй расчехлили орудие, заблокировали колеса. Номера третий и четвертый раздвинули передки орудия далеко друг от друга, а наводчик тем временем устанавливал и настраивал прицел, опуская ствол и приводя его в горизонтальное положение. Заряжающий открыл затвор с казенной части, а номера расчета сняли с повозки ящики с боеприпасами. Одним движением первый снаряд с лязгом вошел в открытый казенник ствола, точно встал на свое место, и затвор был закрыт. Орудие было готово вести огонь.

Гартман стоял на коленях возле орудия и смотрел в бинокль. Он руководил действиями наводчика будто бы по учебнику:

– Правая сторона изгороди... прицел четырехста... пулеметное гнездо. Огонь!

Он искусно отдавал команды, и в ответ на них из ствола один за другим, с промежутком в несколько секунд, вылетали снаряды.

Нам было видно, как пехотный взвод 5-й роты был вынужден залечь в неглубокой низине под сильным пулеметным огнем противника. При огневой поддержке ПТО – наши снаряды теперь разрывались непосредственно в расположении вражеских позиций – взвод медленно продвигался вперед. Было хорошо видно тяжело нагруженных снаряжением пехотинцев, медленно наступающих по пшеничному полю. Тонкие струйки дыма показывали, где сухая трава была зажжена трассирующими пулями.

Второе ПТО с расстояния примерно 600 метров вело огонь по колхозу в Клейн-Каргарлыке, который, по донесениям, был занят советскими артиллерийскими наблюдателями. Загорелись колхозные хаты с соломенными крышами; от них в чистое небо повалил густой черный дым.

Мы получили приказ сменить дислокацию и двинулись вперед к перекрестку дорог, в том же направлении, где виднелись горящие дома. Сквозь разрывы падающих минометных снарядов и треск пулеметов мы почувствовали, как из наших пересохших глоток вырываются радостные восклицания при виде русских, оставляющих свои позиции. Когда они попытались спастись бегством с территории колхоза, наши пулеметчики усилили огонь, и вновь скорострельные «МГ-34» («шпандеу») посылали потоки одетых в медную оболочку пуль в скопления убегающих фигур защитно-коричневого цвета. Справа от нас появились первые пленные

² Официальное название немецкого пулемета модели «*Machinengewehr 1934*». Это оружие производилось в нескольких вариантах и могло модифицироваться для использования в качестве станкового или ручного пулемета. Этот пулемет часто называли «шпандеу».

с поднятыми руками и широко открытыми от страха глазами. С них быстро сняли каски и боевое снаряжение, и они инстинктивно, сцепив руки за головой, поспешили уйти в сторону нашего тыла.

Когда наша гусеничная машина меняла позицию, отлетело одно из звеньев гусеницы. «Шенилетт», описав полукруг, очень не вовремя замер, беспомощно застряв на открытом месте на виду у противника. Водитель с помощником выскочили из машины и стали предпринимать отчаянные попытки провести ремонт, а мы отцепили орудие и впряглись в буксировочные лямки, чтобы тащить его вперед. ПТО № 1, числившееся за нашей ротой, оставило нас позади себя и, подпрыгивая на ухабах дороги, двигалось вперед в направлении звуков стрельбы.

Пот насквозь пропитал серо-зеленые мундиры и оставил полосы на лицах, покрытых пылью и сажей, а украинское летнее солнце раскаляло тяжелые зеленые каски. Измученные, задыхаясь и ловя открытым ртом воздух, мы налегали на буксировочные лямки; раздавался уже знакомый нам треск ружейных выстрелов, вырывавших куски покрытой коркой, сухой поверхности дороги. Время от времени пули, выпущенные из тяжелого пулемета, установленного на восточной окраине Клейн-Каргарлыка, заставляли вырастать вдоль дороги маленькие «грибы» пыли. Под прикрытием щита из брони, обращенного вперед, мы вновь налегли на упряжь, стараясь вытянуть орудие. Наши лица исказили напряжение и страх. Внезапно щит резко зазвенел, когда по нему, как молоток, ударила пуля. Это было страшным напоминанием о том, что мы все еще находились под огнем снайперов-одиночек.

Гартман побежал вперед на разведку, чтобы найти огневую позицию для орудия. На шее его висел автомат, правая рука сжимала гранату. Он приказал нам уйти вправо, на окраину пшеничного поля. Сойдя с дороги, в колеях мы заметили нечеткий узор свежевскопанной земли в виде шахматной доски – здесь русские преградили нам путь наступления похожими на коробки минами. Благодаря рекогносцировке Гартмана мы не напоролись на них.

Мы остановились, чтобы отдышаться в негустой тени стального щита орудия. Не было дерева, куста или здания, которое дало бы нам хотя бы незначительную защиту от палящего полуденного зноя. Тяжело дыша, я на минуту прилег на руки и колени. Остальные свалились в кюветы вдоль дороги, тщетно пытаясь отыскать тень; некоторые просто вытянулись на земле.

Вскоре пули, выпущенные из пулемета «максим», вновь щелкали поблизости. Пока я лежал в грязи, стук моего сердца постепенно замедлялся. Пули, несущие смерть, продолжали щелкать и завывать над нами.

Русские вели огонь и пытались попасть по нашему поврежденному тягачу. Теперь он находился в 100 метрах от того места, куда мы приволокли на себе орудие. В небо взлетали фонтаны земли; «шенилетт» заволокло густое облако серого дыма от разрывов снарядов. Несмотря на шквальный огонь стрелкового оружия – пули свистели в воздухе рядом с водителями, – им удалось выбраться невредимыми и починить гусеницу. Запрыгнув в кресло водителя, Клеменс резко включил сцепление, взревел двигатель, тягач накренился вперед и медленно, нерешительно поехал в нашем направлении по открытой местности.

Второе орудие, находившееся в 100 метрах слева от нас, открыло огонь, пытаясь вывести из строя «максим». Затем оно передвинулось вперед. Транспортёр медленно полз по левой стороне дороги, пока она круто не свернула и не перешла в огромное пшеничное поле, простиравшееся до горизонта. Пулемет продолжал вести огонь по тягачу, но пули мелкого калибра нанесли мало вреда бронированной обшивке тягача.

Со смешанным чувством мы приветствовали прибытие нашего водителя и тягача. Мы отчаянно старались передислоцироваться, и сейчас тягач мог тащить тяжелое орудие. Однако мы прекрасно осознавали, что тягач навлек бы на себя дополнительный огонь с позиций противника. У меня в голове мелькнула мысль о том, чтобы бросить орудие и искать укрытия от вражеского огня, но столь же быстро я отбросил эту идею и сильнее налег на упряжь. Через

несколько секунд, которые, как нам показалось, длились целую вечность, орудие было прицеплено к тягачу. Двигатель протестующе взревел, когда орудие стало рывками двигаться позади нас, подсакивая на неровностях дороги.

Русские перенесли огонь артиллерии ближе к своим позициям, и тяжелые фугасные снаряды теперь ложились гораздо ближе к нам, взрываясь в расположении наиболее выдвинувшихся вперед подразделений. Прилетающие снаряды сотрясали землю у нас под ногами, и лишь с большим трудом сквозь звуки взрывов мы могли услышать выкрикиваемые команды.

7-я рота слева от нас вступила в тяжелый бой. По мере того как мы продвигались вперед, русские стали выбираться из своих укреплений и убегать через пшеничные поля в сторону Каргарлыка, находившегося на расстоянии около 500 метров. Наши передние пулеметные расчеты, стоя в траве по пояс, открыли огонь из «МГ-34». Пулеметные стволы упирались в плечи пулеметчиков, чтобы сохранять большой угол обстрела. Русские, которых косили пулеметные очереди, падали на землю и исчезали в колосьях пшеницы.

Наступая, мы попали под беспорядочный винтовочный огонь группы советских солдат, которые позже сдались, приближаясь к нам с поднятыми руками. На их лицах читались страх и усталость.

Задача дня – захватить железнодорожную насыпь, проходившую возле села, – была выполнена. За шесть часов тяжелого боя была захвачена территория в 12 квадратных километров, и я долго думал о том, насколько ничтожны эти 12 километров, – 12 километров необъятной страны, где перед нами от рассвета до заката простираются до горизонта невозделанные поля. Интересно, сколько еще таких «двенадцатикилометровых» битв нам предстоит вынести за время нашего похода в направлении, противоположном закату солнца?

Мы наткнулись на одного из наших убитых, неподвижно лежавшего в пыли на дороге; его каска все еще прочно держалась на голове, а невидящие глаза были устремлены в небо. Русским пленным немедленно нашли занятие – уносить раненых на полевой перевязочный пункт. В сопровождении наших легко раненных, идущих по обочине дороги, скорбная колонна двинулась туда, где располагался II батальон, по направлению к нашему тылу.

Так полк впервые вступил в схватку с врагом; мы понесли также первые потери и не ощущали радости победы. Чувство возбуждения быстро сменилось непреодолимым унынием и желанием покинуть это место. До сих пор мы еще не узнали на собственном опыте истинной сущности продолжительной войны, в условиях которой все былые семейные и культурные узы отходят на второй план; на смену им навсегда приходят узы единения с товарищами, которые сейчас находятся рядом с тобой.

Нашему орудийному расчету было приказано присоединиться к команде, несущей боевое охранение, и на закате мы установили орудие возле линии батальонных окопов параллельно дороге. Эхо одиночных разрывов мин разносилось над пшеничными полями и, казалось, летело вслед за солнцем, которое медленно садилось на западе, в стороне Германии. Мысли наши следовали за заходящим огненно-красным шаром, прорывавшимся сквозь легкий туман к горизонту, – мы думали о своей родине, границы которой лежали за полторы тысячи километров позади нас.

Ночью фронт не засыпал. Разведывательные подразделения обеих воюющих сторон находились в постоянном движении. Они подкрадывались в темноте к вражеским позициям, чтобы определить их расположение. Снова и снова темноту разрывал огонь русских «максимов», которому неизменно вторили пронзительные звуки наших «МГ-34», а в них немедленно вливалась беспорядочная ружейная стрельба. Время от времени над полями раздавались разрывы ручных гранат и резкие звуки автоматных выстрелов, и на долгие мгновения укрепления озарялись сверкающими осветительными ракетами, которые взлетали в небо и, шипя, висели над линией окопов. В ранние утренние часы нас вывели из сектора и разместили на 2 километра южнее, чтобы подготовиться к очередной атаке.

2 августа было примечательно переменой в однообразном полевом рационе – мы сварили выкопанный в безымянной украинской деревушке картофель и курицу, которую уже ошипал рядовой Фер. С вареной курицей и картошкой мы ели огурцы, предварительно очищенные от кожицы.

За несколько сотен метров, на подступах к деревне, на небольшой высотке, стояла сожженная полугусеничная машина унтер-офицера Айгнера. Днем ранее, во время боя, он заехал прямо на хорошо замаскированное минное поле, где трое человек из орудийного расчета нашли свою смерть. Двое солдат расчета погибли мгновенно. Взрывом противотанковой мины Айгнеру оторвало обе ноги, и он умер ночью на передовом пункте сбора раненых. Нам были видны их каски, расставленные вокруг березового креста возле подбитой полугусеничной машины. Их могилы добавились к увеличивавшемуся числу наших потерь, – такую цену платила немецкая армия за войну в Советском Союзе.

Неподалеку от того холмистого места, где находились их могилы, в ряд лежали несколько дюжин мин, выкопанные нашими саперами. Солдаты уже давно нашли подходящее прозвище этим несущим смерть небольшим коробочкам, – «киндерзарге».³

Среди пехотинцев распространился слух о том, что дивизионный священник Затцгер рисковал жизнью, чтобы на виду у врага вытащить нескольких солдат, раненных накануне в ходе боя. Нас всегда интересовало, как обращаются с ранеными, поскольку мы все время жили с осознанием того, что в любой момент также можем оказаться среди них.

Многие из солдат, которые до сих пор не слишком тяготели к религии, стали посещать службы. Для нас, все в большей степени осознавших возможность смерти, более значительным становилось и присутствие священника. По мере того как росли наши потери, священник, в германской армии не носивший знаков отличия, играл все более важную роль в нашей жизни. Дело в том, что к очень многим солдатам он обращал последние слова утешения и в последний раз оказывал им поддержку, прежде чем они умирали от смертельных ран.

С каждым днем наступления наши коммуникации становились все более растянутыми, а по мере того, как темп наступления замедлялся до «черепашьего», мы продолжали подвергаться постоянно усиливавшимся беспорядочным артиллерийским обстрелам. Однажды осколком снаряда с меня сорвало противогаз и саперную лопату, мой китель также был изодран, но, не считая синяка на плече, я не получил ранений. Передовые части русских продолжали отступать, стараясь сжечь те немногочисленные хаты, сделанные из глины и соломы, что лежали у нас на пути. Русские всегда оставляли позади себя подразделения вездесущих снайперов, которые ценой собственной жизни постепенно взыскивали с нас смертельную плату.

3 августа большую часть ночи мы провели лежа посреди поля, на котором выращивали репу. Разведывательная группа доподлинно установила, что в до сих пор нетронутом колхозе, который находился на расстоянии около 500 метров от нас, противника не было. В ранний предрассветный час мы вошли в крошечную деревню, состоявшую из нескольких домов. Полевая кухня прислала на передовую кофе и «шмальцброт» (кусочки хлеба, на которые намазывалась богатая белками смесь свинины и жира). Наш орудийный расчет занял одну из небольших хат с крытой соломой крышей. Мы навалили на земляной пол солому и на несколько часов задремали, довольные тем, что уже не лежим в темноте посреди репы.

На следующий день мы продолжали двигаться на восток до тех пор, пока разведывательные подразделения не донесли, что достигли широкой реки Днепр. По нашим представлениям, подавляющей части Советской армии больше не существовало. Когда мы приближались к берегам Днепра, победа почти не вызвала сомнений. В течение недель наша повседневная жизнь состояла из бесконечного движения походным порядком, прерывавшегося лишь отдельными случаями сопротивления небольших разрозненных отрядов русских, застигнутых

³ Детские гробики (нем.).

врасплох нашими передовыми частями. Попадавшие время от времени погибшие солдаты и офицеры противника почти не привлекали внимания, обычным зрелищем стали также и пленные, всегда поднимавшиеся с земли и осторожно приближавшиеся к нам с поднятыми руками. Чаще всего их просто разоружали и пешком отправляли в тыл, зачастую без конвоя. Там их подбирали резервные части.

Вечер 5 августа застал нас возле недавно возведенных оборонительных укреплений, на подходе к Великая-Притцки. Безостановочно и зловеще грохотала тяжелая артиллерия, – наши артиллеристы обстреливали противника за горизонтом. Всю ночь мы с беспокойством ждали нашего наступления, которое должно было начаться на следующее утро.

Атака началась в 5.50, целью ее был Днепр. Наши артиллерийские батареи вели огонь по господствующей высоте, обозначенной как высота 197, дымовыми и фугасными снарядами, и с наших позиций мы видели, как многие части противника убегают сквозь облака дыма, заволакивающего поле боя. Позже пленные утверждали, что многие из советских солдат в панике бежали из боя, что мы обрушим на их укрепления отравляющие газы. Действительно, докладывалось о том, что во время атаки видели вражеских солдат, надевающих противогазы.

За несколько часов пехота взяла высоту с минимальными потерями. В 8.50 противник повел ожесточенный бой с целью выиграть время, отступая к высоте 160. Там русские продолжали оказывать упорное сопротивление, используя с тщательностью возведенные укрепления.

Допросы изможденных пленных показали, что массированный огонь артиллерии является действенным средством подавления воли обороняющихся. Во второй половине дня наши войска подверглись налету нескольких эскадрилий штурмовиков. Они не причинили большого вреда.

Утром 7 августа мы трудились, закапываясь в землю, возводя оборонительные укрепления близ деревни под названием Балыка, расположенной примерно в 100 метрах от Днепра. С наших позиций был виден широкий Днепр. Мы старались закопаться в землю как можно быстрее, опасаясь налетов штурмовиков, а также для того, чтобы защититься от советских речных канонерок.

Через несколько часов тяжелые снаряды с кораблей, маневрировавших по Днепру, стали взрываться на склонах неподалеку от нас. Орудие первого взвода безуспешно попыталось обстрелять одну из канонерок. Наши позиции, расположенные вдоль реки, вскоре были накрыты минометным и артиллерийским огнем противника. Несмотря на наши основательные приготовления, мы вынуждены были оставить позиции, чтобы избежать потерь, нанесенных врагом, который находился вне пределов нашей досягаемости.

На этом участке мы оказались лицом к лицу с врагом, имевшим превосходство в тяжелом вооружении, а наши артиллерийские подразделения были вынуждены беречь боеприпасы из-за того, что наши коммуникации растянулись. Начала пагубным образом сказываться глубина нашего проникновения в Советский Союз, и экономия боеприпасов стала первым признаком их нехватки, с которой мы столкнемся в последующих боях, и результаты этого будут катастрофические.

Отдаленный грохот тяжелых орудий, находящихся на значительном расстоянии от нас, звенел у нас в ушах, и ему немедленно вторил гром разрывающихся снарядов, эхо которого разносилось по здешней непересеченной местности. Вечер принес нам еще несколько налетов «рата»⁴, низко пролетавших над нашими позициями. Мы попытались отогнать их с помощью винтовок и мелкокалиберных пулеметов, но безрезультатно.

Однажды вечером я увидел двоих подносчиков продовольствия из артиллерийской батареи, располагавшейся позади нас. Они шли вдоль нижней части холма по направлению к пере-

⁴ «Рата» – «крыса» (исп.) – неофициальное название истребителя «И-16», оставшееся с испанской войны.

довой. Солдат, идущий впереди, нес на спине укрепленный ремнями бидон-термос цилиндрической формы. Они осторожно двигались по пересеченной местности в сгущающихся сумерках, с трудом брели по неровной земле, истерзанной артиллерийскими снарядами, ставшей мягкой и покрывшейся слоем грязи вследствие непрекращавшихся гроз.

Внезапно нас еще раз вынудила нырнуть в укрытие «рата», которая неожиданно начала снижаться над нами с высоты низко зависшей гряды облаков, а два приближавшихся силуэта с трудом добрались до укрытия за стеной одной из глиняных изб, стоявших на краю села. Самолет, набирая высоту, выпустил пулеметную очередь по селу и исчез в серых грозовых тучах так же быстро, как и появился.

Спустя несколько мгновений те двое вновь появились в поле зрения – они проходили мимо наших позиций. Они медленно двигались по топи, один шел вплотную позади другого, в тишине явственно слышались ругательства. Идущий сзади человек повесил карабин на плечо и обеими руками поддерживал стенки бидона, пытаясь спасти оставшуюся часть дневного рациона. Стальной бидон был аккуратно продырявлен пулей, выпущенной из бортового пулемета самолета. Пуля прошла сквозь стенки бидона, и горячее содержимое двумя струйками стекало на землю. Обходя в вечерних сумерках воронки от снарядов, они шли, петляя, по топкой и разбитой снарядами земле по направлению к ожидавшим их на артиллерийских позициях солдатам. Все еще ругаясь и костеря «раты» и иванов, они медленно, спотыкаясь, ковыляли вперед, направляясь к конечному пункту назначения. Суп, предназначенный для артиллерийской батареи, пришлось в ту ночь жестко экономить, но, как бы ни было его мало, все равно предпочтение отдавали ему, а не однообразному «железному пайку», которым мы зачастую вынуждены были довольствоваться на марше, состоявшему из колбасы и черствого хлеба.

Вечером 9 августа нас кормили жарким из свинины, которое доставили на передовую посыльные с полевой кухни, и на следующее утро нам вновь приказали развернуться в боевой порядок и двигаться вперед. Противник попытался двинуть бронетанковые части через сектор, который удерживала соседняя дивизия, и частям 68-й и нашей 132-й пехотной дивизии было приказано укрепить этот сектор.

Поход был назначен на 8.00. Готовясь к переброске, мы получили кофе и «шмальцброт». Несмотря на то что воздух был пропитан тошнотворным смрадом, издаваемым дохлой лошадью, лежащей на краю дороги, мы получили удовольствие, поев в первый раз после того, как нас кормили жарким из свинины вечером предыдущего дня. Во время короткого привала над нами пролетел отряд «штук», и нам было видно, как распадалась их звенья и самолеты, словно хищные птицы, пикировали на невидимую добычу. Вой сирен, установленных на самолетах, сеял панику и смятение в рядах противника, когда «штуки» бросали бомбы в колонны русских танков и скопления войск, находящиеся вне поля нашего зрения, за рельефом местности. Облака черного дыма поднимались в недвижимом воздухе к небу, указывая на местоположение тех танков и машин, которые стали жертвами пикирующих бомбардировщиков.

Вскоре русские нанесли ответный удар, совершив свои налеты. Не имея времени готовить окопы, мы в поисках укрытия бросались в неглубокие ложбины в земле. Но самолеты противника просто прошли мимо нас. За нашей спиной несколько бомб упали возле пункта сбора раненых. Обошлось без потерь.

12 августа наши летчики сбросили артиллерийские боеприпасы в расположении наших батарей в тылу. Артиллерийские подразделения вели непрерывный огонь, отбивая форсированные атаки русских в течение предыдущего дня, а воздушная разведка донесла, что русские отводят свои войска на восток, переходя Днепр возле Канева. Наши подразделения продолжали, атакуя, наседали, но сопротивление врага ожесточилось, и мы захватили небольшую территорию.

Мое орудие расположилось возле железнодорожной насыпи для защиты железнодорожных путей, идущих в направлении Канева через Днепр. Весь день на передовой в нашем секторе было тихо, и я вместе с Гартманом отправился на рекогносцировку нашего участка.

За железнодорожным полотном, двигаясь в восточном направлении вдоль опушки небольшой рощи, мы внезапно оказались лицом к лицу с дулом пулемета «максим», расстояние до которого не составляло и десяти метров. Скрытая тенью низких ветвей, залитая кровью неподвижная фигура человека в форме цвета хаки свешивалась с пулемета, как будто отдыхая.

Тихо снимая автоматы с предохранителей, мы осторожно приблизились, осматривая развернувшуюся перед нами картину. Мы обнаружили группу мертвых русских солдат, около тридцати человек, лежавших неровной линией вплотную друг к другу вдоль железнодорожной насыпи. Судя по положению их тел, во время боя, происходившего накануне, взвод попал под очередь фланкирующего огня, выпущенную из пулемета танка или самолета, которая мгновенно убила или ранила всех.

Я медленно пробрался вперед, чтобы осмотреть один из трупов, и увидел, что безжизненная рука одного убитого все еще сжимает открытый индивидуальный пакет с бинтом. Тяжело раненный русский тщетно пытался перевязать рану, но, не сумев остановить кровотечение, медленно умер там, где теперь лежал. Его гимнастерка, растянутая до пояса, почернела от засохшей крови, которая текла из смертельной раны. Я отвел взгляд от этого человека и задержал его на теле, на котором была надета форма с петлицами сержанта. Сержант сжимал в руке одно из колес «максима». Его невидящие глаза были устремлены вперед, на пулеметную ленту, на то место, где она входила в патронник пулемета. Еще один сжимал винтовку в холодных кулаках. Его голова покоилась на земле, он как будто спал. Его каска оливкового цвета была застегнута под подбородком.

Гартман тихо шел за мной. Он медленно подошел еще к двум русским, лежавшим вплотную друг к другу, бок о бок. Один из них положил руку на другого в последнем объятии, словно пытаясь подбодрить умирающего товарища. Когда Гартман приблизился, поднялся рой мух, как будто протестуя и нарушая мертвенное молчание, и я подался вперед, чтобы вместе с Гартманом увидеть ужасающее зрелище.

Молча ступая по земле, где произошла кровавая бойня, Гартман внезапно повернулся и скользнул мимо меня, направляясь туда, откуда мы пришли. Тщательно избегая взглядов убитых, я быстро последовал его примеру.

В этой обители мертвых лишь деревья, неподвижные и безмолвные, казались выжившими свидетелями произошедшей здесь, на лесной поляне, никем не видимой схватки. Несмотря на то что неоднократно воочию видел смерть за последние несколько месяцев, я, сам того не сознавая, до сих пор оставался новичком, не изведав настоящей жестокости и ужасов войны. Тогда я и представить себе не мог, что в последующие месяцы и годы я стану нечувствителен к смерти на поле боя и что подобные зрелища станут обычными для всех нас. В предстоящие месяцы наша реакция на чью-то смерть, с которой мы столкнемся, станет огрубелой, и мы будем воспринимать смерть как нечто неизбежное. Мы станем обыскивать трупы в поисках документов, подбирать оружие и снаряжение с тем, чтобы самим их использовать. Но на том раннем этапе нашего боевого крещения нас все еще обременяли наивные мысли о сострадании к погибшим и отвращение к физическому контакту с окровавленными и растерзанными телами, лежавшими на земле там, где они пали.

13 августа мы заняли полевые укрепления, ранее находившиеся в руках у русских, примерно в десяти километрах к северу-западу от города Канева на Днепре. Нам достались окопы, выкопанные в глине противником, который занимал эти высоты всего несколько дней назад. Мастера в области строительства и маскировки оборонительных позиций на открытой местности, русские соорудили земляные укрепления, состоящие из круглых ячеек приблизительно по пояс глубиной, дно которых было расширено с тем, чтобы человек мог удобно лежать, и

было достаточно пространства для того, чтобы вытянуть ноги. Глина быстро сохла, становилась крепкой и была превосходным материалом для строительства ходов сообщения, поэтому я смело усовершенствовал свой окоп с помощью саперной лопаты. Должно быть, до нашей атаки его занимал русский довольно небольшого роста.

Прохлада земля моего нового жилища показалась мне удобной, несмотря на духоту знойного украинского летнего дня. Здесь я чувствовал себя в безопасности. У меня было ощущение того, что ничего не может произойти со мной внезапно, без предупреждения. Мы осторожно сползали вперед, на открытое место, чтобы набрать травы и соломы, которыми мы замаскировали наше противотанковое орудие. Когда наступили вечерние сумерки, кто-то принес большую охапку сена, которое распределили среди оружейных расчетов. С учетом этого мы могли рассчитывать на то, что мы с комфортом проведем ночь с условием, что нас не разбудит иван.

Когда сумерки превратились во тьму, исчезли вечерние тени; остались неровные силуэты изрезанных холмов и глубоких оврагов, или балок, к востоку от нас на противоположном берегу Днепра. В последующих боях нам предстоит хорошо их изучить.

Противник перенес оборонительные позиции, расположив их в небольшом лесу примерно в 300 метрах от места нашей дислокации. Слева начиналась небольшая долина, вдоль которой росли березы и густое мелколесье. Это создавало бы впечатление мира и уединения, если бы оттуда не раздавались очереди «максимов», беспокоящие наши позиции. Мы оставили одного человека в карауле, который пригнулся за прочным броневым щитом ПТО, чтобы защититься от случайных пуль пулеметов и снайперов. Караульный сменялся каждый час, а мы коротали ночь в наших выложенных сеном окопах.

Внезапный удар – это основное свойство войны. Солдат может на время успокоиться в редкие минуты мнимой безопасности, расположившись в незамысловатом укрытии перед согревающим костром в холодную ночь, или беспробудно заснуть, свернувшись в окопе, и немедленно вслед за этим его могут втянуть в никого не щадящую, сумасшедшую передерягу. Снова наш отдых нарушили двое подносчиков провианта, возникшие из темноты и принесшие неприятное известие о том, что нам вновь надлежит сменить место дислокации и приготовиться к очередной утренней атаке.

Испытывая теперь уже знакомый нам холодок в глубине живота, мы покинули наши уютные окопы незадолго до полуночи и уже вскоре работали под звездным небом, до рассвета сооружая правее новые укрепления. Когда мы работали, случайное приглушенное бряцание шанцевых инструментов было отчетливо слышно противнику, и всю ночь с опушки близлежащего леса, шипя, взлетали к небу осветительные ракеты. То и дело нам приходилось ничком бросаться на землю и лежать неподвижно, чтобы защититься от огня «максимов», нащупывающих наши позиции. В воздухе над нами щелкали пули, а трассирующие пули оставляли за собой оранжево-красные борозды-дуги и рикошетили в темноте.

В ранний утренний час мы получили подкрепление в виде двух самоходных орудий, которые, урча, подкатили к нашим позициям на тяжелых гусеницах. Поначалу мы беспокоились, что звук их двигателей Майбаха привлечет к нашим позициям нежелательное внимание. Несмотря на наши опасения, их присутствие не навлекло на нас дополнительного пулеметного огня, возможно, из-за того, что русские не хотели обнаруживать их расположение самоходкам.

Наша атака началась 14 августа в 15.00. После десятиминутного минометного обстрела, который велся по лесу, передовые подразделения начали наступать и были уже в 100 метрах от лесополосы. В это время русский танк, замаскированный на нашем левом фланге, открыл огонь. Его засекло одно из наших самоходных орудий, и после краткой перестрелки русский танк загорелся. Наши станковые пулеметы и минометы открыли огонь по лесополосе, пытаясь накрыть вездесущих вражеских снайперов, и мы вместе с ними стали стрелять из нашего ПТО осколочными снарядами по верхушкам деревьев.

После того как подбили вражеский танк, мы продолжали стремительно атаковать; мы добрались до поросшего лесом участка, и, несмотря на наши опасения, высказываемые накануне вечером, теперь было отрадно располагать поддержкой тяжелых противотанковых штурмовых орудий. Мы смогли вычислить местоположение подбитого танка за счет облака черного дыма, поднимавшегося из горящей башни. До нас дошли слухи, что одна из рот понесла потери от тяжелого броневедомокола, перед тем как определили его местонахождение и уничтожили.

У нас на пути в Канев лежала последняя линия укреплений. Несмотря на то что цель, поставленная перед атакой, была нами достигнута, нам, после того как мы получили подкрепление, вновь приказали двигаться вперед. Наша атака возобновилась в 18.00.

Наше взятое на передок орудие, подпрыгивая на дороге, двигалось позади тягача по направлению к городу вслед за атакующей ротой пехоты, когда нас внезапно обстреляли с флангов. Огонь велся со стороны полевых укреплений противника. Русские, которые залегли в укрытиях и пропустили сквозь себя наши передовые подразделения, теперь обстреляли взвод огнем стрелкового оружия. Пули ударялись о тонкую обшивку тягача и свистели в воздухе над нами. В это мгновение двигатель «шениллетта» заглох; тягач накренился и остановился.

С бьющимися сердцами мы схватили автоматы и карабины и отчаянно бросились на поиски укрытия. При осознании того, что нас застали врасплох на простреливаемой местности, нас охватил ужас. Наш пулеметчик Роберт, с которым мы вместе служили со времен курсов новобранцев, взял свой «МГ-34», вскочил на ноги и рванул вперед, пригнувшись под тяжестью пулемета. Он быстро побежал по направлению к вспышкам выстрелов, обнаруживавших расположение позиций противника, на бегу выпуская очереди из пулемета, прижав его к бедру.

Застигнутые врасплох его нападением, несколько русских вылезли из окопов и пошли, спотыкаясь, в нашу сторону, подняв руки в знак того, что сдаются. Мы еще раз мельком увидели Роберта, прежде чем он исчез за холмом (местность была холмистой), выпуская пулеметные очереди по скоплениям русских, продолжавших оказывать сопротивление. Мы быстро сняли ПТО с передка и подготовили орудие к бою. Однако, уже не зная, где находился Роберт, вынуждены были не открывать огонь.

С автоматами и винтовками наготове мы продвинулись вперед, на небольшую высоту, и на гребне ее нашли Роберта, лежавшего на своем «МГ» с пробитым пулей сердцем. Пуля прошла сквозь сердце и вышла через спину. Из раны текла струйка темно-красной крови. Гартман опустился на колени возле неподвижной фигуры. Он подтвердил, что Роберт мертв, и аккуратно перевернул его на спину.

Дотянувшись до льняной бечевки, на которую подвешивался индивидуальный опознавательный жетон каждого солдата, Гартман по шву разломил металлический жетон пополам, затем расстегнул китель Роберта и взял его солдатскую книжку и часы. Мы смотрели в вопрошающие глаза, устремленные в предзакатное небо. На его потрясенном лице, казалось, был написан вопрос: «Почему, почему я должен умирать сейчас?»

Когда мы несли тело на наши позиции, на нас спустились сумерки. Мои мысли были поглощены впечатлениями последних недель, и я представлял себе могилы, оставшиеся позади возле дорог. Впервые на моей памяти, будучи взрослым, я заплакал, потеряв очень близкого друга. На следующий день командир роты написал письма родным пяти человек, павших во время наших последних боев с Красной армией.

17 августа неглубокие пещеры, вырытые в балке, служили нам укрытием от налетов штурмовиков. Мы достигли высот западного берега Днепра и теперь оказались под беспорядочным огнем орудий, который велся с позиций, замаскированных на восточном берегу реки. К юго-востоку от нас находился город Канев, а железнодорожный мост вел через реку на восток. Захватив эту железнодорожную ветку, мы перерезали русским последний сухопутный путь отступления. Русские в течение предыдущей ночи пытались отвести войска дальше на восток, а в ранний утренний час отдельные группы вражеских солдат старались спастись бегством на

лодках. В течение всей ночи, когда отступающие русские попадали под огонь разведывательных отрядов, время от времени слышались выстрелы стрелкового оружия.

В наши руки попало огромное количество боевой техники и транспортных средств, в том числе множество американских грузовиков «форд». Мы обнаружили два брошенных, но совершенно неповрежденных танка «Т-34», спрятанные возле балки, готовые к бою, с полным боекомплектom. Мы забрались в танки, тщетно пытаясь разыскать что-либо полезное для себя.

В течение нескольких дней меня мучил сильнейший понос, и вскоре я оказался непригоден к исполнению своих обязанностей из-за жестокой головной боли, сопровождающейся головокружением и сильными кишечными коликами. Вскоре у меня развилась лихорадка, и с помощью нескольких легкораненых меня доставили в медпункт.

Направляясь туда, мы шли через поле, где накануне шел бой, и небольшие лощины с растущими вокруг ними кустами и березами, на которые мы смотрели горящими глазами, казались нам спокойными, мирными, имевшими мало признаков тех ранящих душу событий, которые происходили здесь. За исключением отдельных воронок от бомб и время от времени встречавшихся осколков снарядов, следов войны, которая прошла по этой земле, было видно немного.

Мы прошли мимо трех березовых крестов, украшенных пучками зелени и полевыми цветами, расположенных у подножия холма вытянутой формы. Под поверхностью свежескопанной земли покоился мой добрый друг Роберт, завернутый в плащ-палатку, лежавший под одним грубым березовым крестом вместе со своими павшими товарищами. Его серо-зеленая каска была надета на крест, чтобы показать его место среди мертвых.

Могилы скоро ушли из моего сознания, когда в голове, где-то позади глаз, усилилась болезненная пульсация. В лихорадочном беспмятстве мыковыляли по нашим передовым позициям, покинутым три дня назад. Сожженный танк служил нам хорошим ориентиром.

Пройдя еще около 100 метров, мы наткнулись на пошатывающуюся фигуру с болтающимися руками и раскачивающимся туловищем. Этот «призрак», очевидно, пытался идти по прямой. Двое из нас сняли с плеча карабины и подошли достаточно близко, чтобы под слоем грязи и пыли узнать надетую на нем окровавленную форму русской армии. Гимнастерка без ремня свободно болталась на нем. Я подошел к нему и, взяв за плечо, заглянул в худосочное, пергаментного цвета лицо солдата, которому было около двадцати восьми лет. Он, в свою очередь, посмотрел на меня широко открытыми, немигающими глазами. «Глаза безумца», – решил я. По засохшей у него на шее и туловище крови я определил, что он получил тяжелое ранение в голову, так как серое вещество мозга выступало из коротко остриженного черепа. Туча мух роилась вокруг раны, на которой запеклась черно-красная кровь. Было ясно, что пуля или осколок снаряда снес часть его черепа несколько дней назад. Должно быть, незадолго до нашего прихода он лежал без сознания в мелколесье. Двое из нас взяли его за плечи и повели к медпункту, пытаясь поддержать его, в то время как он шатающейся походкой шел вперед, не имея сил удержать равновесие.

Сквозь легкий туман в голове, вызванный болью, я осознавал, что вблизи нас на привал остановилась артиллерийская батарея на конной тяге, двигавшаяся в облаке пыли, и что несколько пехотинцев помогли нам взобраться на зарядные ящики. Они предложили нам воды из полевых фляг, а солдат в русской форме цвета хаки, плотно зажатый между нами, начал что-то бормотать. Сквозь его хрип я смог разобрать: «Воды!»

Измощенные, мы добрались до медпункта, и сквозь завесу лихорадочного помутнения рассудка я смотрел, как оказывали помощь раненым, с которыми вместе шел сюда, и как перевязывают голову русскому солдату. Мне дали несколько таблеток, а военврач сказал, что термометр показал температуру 39,8 градуса. В походную чашку мне налили горячего чая, а санитар отвел меня в бывшее здание школы и уложил на соломенный тюфяк.

Я проспал ровно восемнадцать часов, до второй половины следующего дня, и почувствовал себя посвежевшим и бодрым. Мне принесли обед, состоявший из хорошей порции горохового супа и черствого черного хлеба, который я жадно проглотил. Оглядевшись, я удивился тому, что место это было почти пустынным; раненых, осаждавших медпункт, здесь больше не было. Их либо эвакуировали, либо сочли достаточно здоровыми для того, чтобы вернуться в свои части. В медпункте оставались лишь несколько больных солдат, за которыми ухаживал молодой санитар, помогавший мне, когда я прибыл. Он сообщил мне, что рано утром тяжело раненных увезли и что военврач тщетно пытался разбудить меня.

На следующее утро моя лихорадка прошла, и меня отправили обратно в роту. После езды на нескольких грузовиках и повозках, в которые были запряжены лошади, мне удалось найти свой орудийный расчет, который в мое отсутствие вновь бросали в бой против частей противника, временно прорвавшихся возле Канева.

Глава 2

Форсирование Днепра

26 августа мы использовали все имевшееся у нас в распоряжении время для укрепления наших позиций. В пределах чрезмерно растянутого сектора, отведенного нашей дивизии, имелось множество участков, где мог высадиться противник. К счастью, наша тяжелая артиллерия в случае атаки была в состоянии блокировать их и обеспечить нам огневую поддержку.

Ночью 28 августа нас переместили в Кодоров на Днепре, чтобы усилить нами артиллерийскую роту, занимавшую важную высоту на передовой. Эта высота господствовала над высотами на обоих берегах реки. Ее занимали разрозненные, малочисленные подразделения. Деревня была расположена вдоль проселочной дороги, где сходились две балки. Стоящие отдельно друг от друга примитивные жилые дома были разбросаны по всей длине небольшой лощины, тянувшейся до реки. С позиции ПТО обзор реки нам затрудняли деревья, неопрятные заборы, деревенские глинобитные дома с крышами, крытыми соломой, и побеленными стенами. Большое, бросающееся в глаза каменное здание служило главным ориентиром. До нашего неожиданного и непрошеного появления в нем располагалась деревенская школа. Под крутым, высоким берегом, меньше чем за 100 метров от наших позиций, река лениво несла свои воды к неизвестным нам населенным пунктам, а на восточной окраине деревни было поле, засаженное помидорами. С края берега были хорошо видны просторы реки, которая в своем течении огибала небольшую группу островов. Восточный берег реки был густо покрыт обильной порослью деревьев и кустов. Плоский островок прямо напротив нас был покрыт густой растительностью, и это хорошо скрывало все признаки присутствия там русских.

Наша артиллерийская рота поддержки, располагавшаяся на господствующей высоте, окопалась возле колхоза, где выращивались помидоры. Отсюда открывался прекрасный вид на территорию, удерживаемую противником. Места скопления вражеских войск можно было вычислить по струйкам дыма, которые вертикально поднимались там, где жгли многочисленные костры и готовили на них пищу. Продолжала работать наша артиллерия, она непрерывно вела обстрел, пытаясь нарушить линии снабжения противника, которые находились вне поля нашего зрения. В остальном на фронте было спокойно.

Вскоре после прибытия мы сели перед одной из хат, и я достал из внутреннего кармана своего кителя (там она обычно лежала) губную гармонику. Когда я стал наигрывать народные песни, меня быстро окружила пестрая толпа местных жителей, которые возникли перед нами, словно тени, выйдя из соседних домов. Мелодия «Небритый и далеко от дома» оживила публику, они похлопали и спели свою народную песню «Стенька Разин». Женщины и девочки покачивали головами в такт мелодии, а старики и мальчишки притопывали ногами на русской глине под песню, которую играла немецкая губная гармоника.

Через час мы получили приказ командира взвода расстелить солому в строении бывшего склада и расквартироваться там. Огорченные тем, что нас не разместят в домах, стоящих в ряду в отдалении друг от друга, мы нехотя подчинились. Многие из нас чувствовали себя так, словно нас загоняют в ловушку, так как в здании был только один выход и находилось оно в центре деревни. Поэтому оттуда местность не простреливалась ни в одном из направлений. В самом крайнем случае мы предпочли бы расположиться бивуаком на открытой местности, к чему привыкли.

Наше оружие оставалось взятым на передок и прицепленным к тягачу в роще на расстоянии 25—30 метров от нас, а возле единственного выхода помещения был выставлен караульный, которому приказали быть начеку. После безоблачного дня наступила прохладная летняя

ночь. Нас, расквартированных в этой импровизированной казарме, было около тридцати человек, и вскоре мы погрузились в глубокий сон.

Перед самым рассветом мы проснулись, напуганные внезапными взрывами ручных гранат возле здания, где мы разместились. По задней деревянной стенке здания склада пробарабанила автоматная очередь, а через дверь в темноту здания юркнул караульный.

– Здесь русские, здесь русские! – закричал он.

Я просунул ноги в сапоги, схватил свое снаряжение и подсумки с патронами и бросился вместе с Гартманом и еще несколькими людьми к единственному выходу. Оставаясь верными дисциплине германского вермахта, в первую очередь мы подумали о том, чтобы добраться до ПТО, и, спотыкаясь в темноте, двинулись к нему. Я мельком увидел сверкающие искры, по дуге летящие на нас со стороны берега ручья, инстинктивно нырнул под тягач, и секундой позже граната взорвалась, не причинив мне вреда.

Несколько человек, сумевших сосредоточиться возле орудия Гартмана в начале внезапной атаки, теперь открыли огонь из винтовок и пулеметов, опустившись на колено за тягачом или лежа ничком на земле. После того как я снял с пояса две гранаты и бросил их поверх тягача по дуге в сторону берега ручья, Гартман метнул в лощину еще одну.

Когда мы подавили вражеский огонь, треск автоматов русских приутих, и со стороны реки в нас не летели больше ручные гранаты. Между тем еще несколько солдат взвода выбежали из здания и попытались добраться до нас. По направлению к деревянному мосту, примерно в 100 метрах, разразилась новая перестрелка.

Внезапно мы увидели командира взвода, который промчался мимо нас с криком «Я ранен!» и быстро исчез в темноте у склада. Воспользовавшись паузой в стрельбе, мы отцепили от тягача ПТО и открыли огонь по густому мелкоколесью вдоль реки, где все еще виднелись вспышки выстрелов русских. Было хорошо слышно, как пули отскакивают от щита нашего орудия. Несколькими дюжинами осколочных снарядов нам удалось подавить огонь противника, и русские прекратили дальнейшие атаки.

Все произошло меньше чем за десять минут. Мы с Гартманом поспешили в здание склада, где лежал лейтенант со сквозным пулевым ранением бедра. Из раны, которую уже перевязывал санитар, обильно текла кровь, хотя санитар и сказал, что артерия не пострадала и что он не обнаружил повреждения кости. Мы оставили с лейтенантом двоих связных и его водителя, а сами возвратились в свой взвод.

Гартман принял командование взводом и приказал нам с Буркхардтом связаться со штабом роты, находившимся в деревне. Мы осторожно взойшли на мост и сразу же заметили безжизненное тело русского, лежавшее в нескольких метрах от нас. Очевидно, противник прекратил атаку и отступил. Через несколько минут мы направлялись в штаб роты, расположенный в здании фермы.

В штабе было полно раненых, которым оказывал помощь фельдфебель медицинской службы. Здесь нам рассказали, что в ходе атаки, целью которой был наш штаб, русские одновременно атаковали еще одно подразделение, размещавшееся на восточной окраине деревни. Мы доложились, и, к нашему облегчению, нам разрешено было вернуться во взвод, в знакомую обстановку.

Вернувшись из штаба, мы перевели ПТО на более выгодную позицию, которая располагалась примерно в пятидесяти метрах от складского помещения. С этой позиции мы могли накрыть огнем территорию от края оврага до моста и были способны в случае очередной атаки обстрелять наступающих прямой наводкой. Мы держали овраг и его склоны слева и справа от нас под пристальным наблюдением, но не заметили дальнейшего передвижения противника,

и в нас больше не стреляли. Ходили слухи о том, что нападение русских было отбито и что лейтенант получил «хайматшусс».⁵

Мы только начали чувствовать себя в безопасности на нашей новой позиции, когда внезапно при свете восходящего солнца я заметил небольшой отряд русских, взбиравшихся по склону по направлению к зданию школы и тащивших за собой станковый пулемет. Мы бросились на свои позиции и незамедлительно открыли по ним огонь бронебойными и фугасными снарядами, так как осколочные снаряды мы уже истратили. Русские бросились в укрытие, оставив на открытом месте несколько убитых и раненых. Мы обстреляли то место, где они оставались в укрытии, а также заброшенную школу, чтобы не дать им установить пулемет. Дав несколько выстрелов, мы увидели, что некоторые из русских быстро отступают в тыл, сопровождаемые частым стуком нашего «МГ-34».

Внезапно прямо перед нами воздух взорвался огнем автоматов и винтовок. С близкого расстояния нас обстреляли просочившиеся сюда русские, и крики иванов были хорошо слышны из оврага, служившего нам укрытием. Через густые кусты, деревья, небольшие поля, где росли подсолнухи, помидоры и бобовые растения, они подбирались к нашим позициям, бросая ручные гранаты, которые рассекали воздух, подкатывались на расстояние нескольких шагов от нашего орудия и взрывались.

Мы лихорадочно стащили с тягача последний ящик 37-миллиметровых снарядов, а заряжающие сгребли в кучу и отшвырнули ногами стреляные гильзы, пытаясь расчистить огневую позицию орудия. У нас оставалось всего лишь 30 бронебойных снарядов, и, когда я загнал последнюю обойму винтовочных патронов в магазин своего карабина, короткий опрос остальных показал, что у них патроны также подошли к концу. У Гартмана оставалось только полмагазина патронов для автомата.

Русские попытались прорваться через дорогу и добраться до здания склада. Каждому из нас было ясно, что мы должны любой ценой помешать им достигнуть их цели, чтобы не быть отрезанными от оставшейся части роты, что означало неминуемое уничтожение или плен. Около 10.00 последний противотанковый снаряд вылетел из дымящегося ствола нашего ПТО. Пытаясь не дать нам воспользоваться тягачом орудия, русские атаковали непосредственно здание и вскоре его подожгли либо трассирующими пулями, либо «коктейлем Молотова».

Мы не имели возможности узнать, успели ли эвакуировать нашу временную казарму; нам оставалось лишь надеяться, что раненого офицера доставили в безопасное место.

Когда мы израсходовали последние боеприпасы, я снял с казенника затвор и швырнул его в поросль кустов, а затем присоединился к Гартману. Мы поползли по оврагу, ведущему в западном направлении.

Время от времени мы падали на землю и ползли по подлеску на животе, а затем кидались из укрытия в укрытие. Через некоторое время мы смогли добраться до глубокой щели, выкопанной в глинистом овраге. Там мы обнаружили несколько жителей деревни, которые боязливо прислушивались к звукам боя. Лица их были взволнованы. Очевидно, население деревни заранее было предупреждено о предстоящей атаке, и жители деревни заползли в щель, чтобы переждать бой.

Не обращая внимания на присутствие напуганных мирных жителей, мы вскарабкались наверх по склону оврага. С этого возвышенного наблюдательного пункта нам было видно, как русские снуют вокруг здания склада на расстоянии около 300 метров. Я тщательно прицелился из-за дерева и дал несколько выстрелов по силуэтам русских из карабина. Вдруг Гартман закричал, что к нам идет подкрепление. Рота пехоты и часть теперь рассредоточившегося подраз-

⁵ Сленговое выражение немецких солдат, буквально означающее «ранение для отправки на родину», – ранение, недостаточно серьезное для того, чтобы быть навсегда признанным негодным к службе, но достаточно серьезное для того, чтобы потребовать эвакуации с передовой.

деления, ранее располагавшегося поблизости к нам, собрались на западной окраине деревни. Мы с Гартманом прорвались через кусты вниз, к дороге, и увидели командира нашей роты, который несся по деревне на своем мотоцикле с коляской.

Было слышно, как русские снаряды рвутся далеко позади нас. Наши тяжелые орудия обстреливали берега Днепра, чтобы отсечь русским путь к отступлению. Наши атакующие роты перешли в наступление. Не прошло и 30 минут, как я, прочесав близлежащую территорию, заново прикрепил затвор на казенник нашего орудия. Через несколько часов нашими контратаками противник был отброшен обратно к реке. Уцелевшие, которые на плотах и лодках пытались добраться до безопасного места на восточном берегу, попали под огонь нашей артиллерии.

Отбив атаку врага, силы которого превосходили наши в четыре или пять раз, мы стали искать раненого лейтенанта. Несмотря на то что мы обыскали все вокруг, мы так и не смогли обнаружить его. Мы нашли только окровавленный офицерский сапог возле сгоревшего склада.

Когда мы искали офицера, в саду возле одного из глинобитных домов с соломенной крышей наткнулись на русского солдата, лузгавшего подсолнечные семечки. Не оказав сопротивления, он высоко поднял руки в знак того, что сдается, и осторожно приблизился к нам, боязливо оглядываясь. После поверхностного обыска он был отправлен в штаб полка для допроса.

На следующее утро солдаты стрелковой роты доложили об обнаружении неопознанного тела при впадении ручья в Днепр. Позже от командира роты мы узнали, что это был труп лейтенанта, казненного (возможно, политическим комиссаром) выстрелом в затылок. Следов двух пропавших солдат одного из пехотных взводов не обнаружили, скорее всего, их взяли в плен и увезли за Днепр. Русский военврач, взятый в плен в Киеве после окружения, показал, что немецкие пленные, захваченные в этом районе, были казнены перед тем, как русские оставили город.

Позднее до нас дошли слухи о том, что в ту ночь, когда была предпринята атака, учитель деревенской школы и комсомолка Ольга (накануне вечером оба они пели вместе с нами «Стеньку Разина») под покровом темноты незаметно убежали через балку и переплыли через широкую реку. Добравшись до позиций русских, они предоставили советским войскам подробную информацию о нашей дислокации и численности, а затем скрытно провели батальон русских через реку. Место нашего ночлега располагалось возле моста, по которому можно было перейти овраг и попасть в деревню.

Бесчеловечный характер войны на Востоке начал себя проявлять. Тем не менее, никто из нас не мог предвидеть или осознавать, что чувство горечи и ярость русских, вызванные нападением на их страну, станут год от года становиться все сильнее. Значительная часть гражданского населения были не согласны с подобными идеями возмездия, особенно в южном секторе Восточного фронта, где к нам относились сравнительно неплохо. Многие русские солдаты, взятые в плен в самом начале кампании, выражали желание воевать бок о бок с нами против Сталина и советского правительства.

С течением времени советское руководство отказалось от призыва жертвовать собой во имя коммунизма и попыталось воззвать к врожденному патриотизму народа. Защищать Россию-мать от вторжения фашистских оккупантов стало патриотическим долгом каждого без исключения. Так конфликт перерос в войну русского народа против германских агрессоров, а не в борьбу за выживание партии.

К сожалению, жестокие действия русских сравнимы с поведением немецких оккупантов в тыловых районах, далеко позади линии фронта. Из-за крайне жестких действий по отношению к русским для обычного русского человека немецкий солдат стал сторонником презренной, кровавой политической организации и борцом за нее. Благодаря этой доктрине, созданной и проповедуемой в далеком Берлине, в отместку солдатам-фронтовикам совершались многочисленные акты зверства, даже несмотря на то, что мы, фронтовики, не подозревали об истреб-

лении тысяч ни в чем не повинных людей верно служащими системе зондеркомандами⁶ или о чрезвычайных мерах, которые применяли «золотые фазаны» национал-социалистической партии для «усмирения» захваченных территорий.

Командиры фронтовых дивизий, а также офицеры на уровне командира полка и батальона были в то время ветеранами, принимавшими участие в Первой мировой войне. Их поведение и методы ведения войны характеризовались безупречной честностью, привитой в офицерском корпусе кайзеровской армии. Необходимо добавить, что за всю кампанию на Востоке я не знал ни одного-единственного случая, когда со сдавшимися в плен русскими солдатами обращались бы не должным образом или не оказали бы раненым русским, захваченным в плен, медицинскую помощь наравне с нами. Во время наступления на Канев пленных посылали в тыл без всякого сопровождения, поскольку каждый имеющийся человек был позарез нужен на передовой. Так или иначе, я уверен, что многие коммунисты и русские патриоты, отправленные таким образом в тыл вместе с толпой других пленных, не упустили возможности удрать и через некоторое время пополнить ряды постоянно растущих партизанских отрядов. Хорошо организованные партизанские соединения станут представлять все большую и большую опасность для наших тыловых районов. В ходе войны народ стал в значительной степени доверять партизанам и поддерживать их, и те повсюду могли найти приют и защиту.

Всю первую половину сентября мы продолжали защищать наши позиции на берегах Днепра, а русские пытались отвоевать западный берег. 14 сентября наши передовые подразделения форсировали реку. После проведения рекогносцировки на одном из днепровских островов к северу от Балыки десант успешно осуществил высадку, и советские укрепления на прибрежных высотах были взяты. Несмотря на упорное сопротивление противника, было захвачено много пленных.

Два дня спустя наша рота, оставаясь в резерве, двинулась вслед за передовыми частями и высадилась на противоположном берегу. Используя смятение войск противника, мы успешно захватили широкий плацдарм, который продолжали расширять другие подразделения, переправлявшиеся через реку и вступавшие в брешь. Немецкие артиллерийские батареи непрерывно вели огонь из Кодорова по позициям противника на противоположном берегу, и одновременно линия огня пролегла по притоку Днепра возле Балыки. К ночи передовые подразделения достигли окрестностей Яшников.

17 сентября получивший пополнение 438-й пехотный полк захватил у ослабленного, но оказывавшего упорное сопротивление противника еще один плацдарм возле Балыки и Решинчева, пытаясь войти в соприкосновение с передовыми частями другого корпуса на дороге, ведущей в Ерквцы. Цель наступления была достигнута к вечеру, когда ликвидировали последние очаги сопротивления.

Мы продолжали рваться вперед, приближаясь к имеющей первостепенное значение дороге, ведущей из Киева в район Ерквцей, перерезая таким образом русским важнейший путь к отступлению. Ночью нам почти не удалось отдохнуть, так как мы закапывались в твердую землю, укрепляя наши позиции. Напряженно работая на влажном воздухе до рассвета, мы взмокли. Со стороны вражеских позиций до нас непрерывно доносились громы машины и лязг брони.

В течение всего дня 18 сентября мы продолжали укреплять свои позиции, несмотря на то что на укреплениях противника все стихло и не было замечено большого движения. Когда сгустились сумерки, мы чувствовали себя в безопасности, так как знали, что советские части отошли дальше на восток, оставив лишь группы прикрытия, чтобы сдержать наше наступление.

⁶ Зондеркоманды – определенные немецкие и иностранные части СС, действовавшие в тылу, на оккупированных Германией территориях, особенно на Восточном фронте. Зондеркоманды устраивали облавы и ликвидировали местных жителей, считавшихся неудобными правительству нацистов.

Внезапно стало светло от разрывов артиллерийских снарядов. Вдоль дороги Рогозов – Переяслав в районе Ерковецей, к северо-востоку от них, между 22.10 вечера и 2.50 ночи было отбито одиннадцать вражеских атак. На рассвете стали видны бесчисленные трупы, одетые в защитно-коричневую форму, грудями лежавшие перед нашими позициями. От горящей бронетехники к небу поднимались клубы черного масляного дыма.

До нас дошли сведения, что несколько моторизованных частей противника были полностью уничтожены, а штаб полка с гордостью предоставил нам список захваченной боевой техники: 16 станковых и ручных пулеметов, 6 тяжелых артиллерийских орудий, 9 грузовиков, 2 санитарные машины и 6 тягачей. Было взято в плен 400 человек, а к 19 сентября их число увеличилось до 800. Несколько отрядов 436-го пехотного полка, которым было приказано очистить восточный берег от оставшихся войск противника, также выполнили задание с небольшими потерями.

В течение следующих нескольких дней, прочесывая берега Днепра, мы захватили более тысячи пленных. Убежденные в том, что Советский Союз потерпел поражение в войне, дезертиры угоняли лодки и под покровом темноты переправлялись через Днепр, пытаясь дистанцироваться от Красной армии. Одетые в лохмотья люди, которые в одиночку или небольшими группами приближались к нашим позициям с поднятыми руками, стали привычным зрелищем. Наша уверенность в том, что война закончится до наступления морозов, продолжала расти.

23 сентября крупные силы русской пехоты неожиданно атаковали наш батальон. Мы смогли отбить атаку, понеся небольшие потери, и противник был отброшен, оставив на поле боя несколько легких полевых орудий и множество стрелкового оружия. Мы оставались на наших позициях, пока не поступили сведения о том, что противоположный берег Днепра был очищен от войск противника. Нашей дивизии было приказано выдвинуться в этот сектор.

По окончании боев к югу и юго-востоку от Киева были подсчитаны все возраставшие потери наших войск. Потери каждой роты в среднем составили от 15 до 20 процентов их состава, а каждая пехотная рота 437-го пехотного полка за два предыдущих месяца в среднем потеряла 4 человека убитыми, 2 – пропавшими без вести, 4 – ранеными и 2 – больными, итого – 22 человека. Численность нашей противотанковой роты до начала операции составляла от 100 до 120 человек.

Состояние боевой техники и оружия оставалось относительно неплохим. Сказалось то, что во время прохождения нами основного курса боевой подготовки нам постоянно вдалбливали в голову мысль о необходимости содержать в хорошем состоянии материальную часть. Поставки продовольствия и снабжения из тыла в войска стали весьма условным понятием, поэтому войска учились снабжать себя всем необходимым за счет завоеванной территории и захваченных ресурсов противника.

С началом сезона распутицы фронтовые подразделения быстро уяснили для себя, что русские телеги с запряженными в них лошадьми более надежны, чем тяжелые, рассчитанные на мощные дороги конные повозки нашей армии. Все больше использовались русские повозки с запряженными в них лошадьми из числа захваченного трофейного имущества или зачастую без разрешения реквизируемые, вопреки не допускающим отклонений инструкциям, у гражданского населения.

Наша 14-я противотанковая рота потеряла два тягача «шениллетт», подорвавшихся на минах, двигатели и гусеницы остальных тягачей получили повреждения или были изношены. Несмотря на усилия наших ремонтников, достать запчасти стало невозможно, хотя в поисках их мы обшарили территорию протяженностью до ста километров в тыловых районах армии и корпуса.

Солдаты и офицеры стали мастерами по части самообеспечения. В конце августа и начале сентября наша рота попыталась поставить на ход и задействовать трофейные грузовики. Из огромного количества захваченной боевой техники противника, брошенной отступа-

ющей армией, особенно в районе боев возле Канева, наши войска смогли собрать значительное число пригодных к эксплуатации транспортных средств. Командир роты захватил полный горючего топливозаправщик, значительно увеличивший наши запасы «черного», или неучтенного, горючего.

Русские располагали большим количеством надежных в эксплуатации тяжелых грузовиков «форд», а также грузовиков производства ЗИС. Из этих двух типов грузовиков, скорее всего, состоял весь их арсенал, которым располагал противник, и мы всегда по мере возможности предпочитали «форд» американского производства, так как многие запасные части в случае необходимости можно было найти.

За счет того что мы таким образом брали трофеи и использовали их, в состав нашей армии, как оказалось, входили транспортные средства всех типов и разновидностей, собранных с половины территории Европы. Иногда было невозможно разыскать даже простейшие запчасти. Мы все больше завидовали несложной системе снабжения русских. Хотя их арсенал оружия и боевой техники не был столь разнообразным и специализированным, как наш, то, что у них имелось, было надежно, и почти везде могло осуществляться материально-техническое обслуживание.

Как и в любой армии, одной из самых главных тем дискуссий была доступность и качество еды. Наша ротная полевая кухня могла творить чудеса, пока наше снабжение было в состоянии доставлять нам все самое необходимое.

Во время одного из моих визитов на полевую кухню ротный повар с гордостью показал мне пещерку, где на длинных рейках висели сотни колбас и кусков копченого мяса. Я передал повару несколько трофейных советских медалей и пистолетов в качестве подарков для личного состава кухни, и впоследствии нам всегда было гарантировано нечто более существенное, чем стандартный рацион.

25 и 26 сентября основная часть дивизии покинула прежний район боевых действий на западном берегу Днепра. Вновь длинные колонны серого цвета, изгибаясь, двинулись маршем на юг по пересеченной местности. Вражеские войска, упорно сопротивлявшиеся нам в течение последних недель, казалось, исчезли без следа перед нашим наступлением.

В течение октября дивизия наступала на Украине, разукрашенной великолепием осени. Мы двигались в направлении Кременчуга, и это означало для нас, что город Одесса на Черном море все еще не взят. По войскам ходили слухи о том, что нам и румынским частям предписано ее захватить.

17 октября мы узнали, что Одесса пала. Дивизия повернула на юго-восток и получила распоряжение идти на Николаев. По пути мы пересекли район этнических германских поселений, которые были основаны по указу российской императрицы Екатерины Великой около 200 лет назад. Здесь мы легко узнали места, названные в честь Карлсруэ, Вормса, Шпейера, Геленталя и других городов нашей родины. Мы встретили лишь женщин, детей и несколько стариков, так как советские власти депортировали всех мужчин призывного возраста.

В простом, но чистом и крепком доме я увидел жилую его часть и спальню, которую можно было найти где-нибудь в Пфальце 200 лет назад. Там стояла широкая деревянная кровать, увенчанная большим балдахином; на ней лежали разноцветные подушки. Женщины-крестьянки говорили на диалекте, который сегодня можно услышать в Пфальце. Угощаясь свежим молоком и белым хлебом, мы в такой обстановке чувствовали себя совершенно непринужденно.

Через несколько дней по качающемуся понтонному мосту, который с трудом выдерживал течение, мы перешли реку Буг. Я, вместе с ротным командиром и еще несколькими людьми, имел возможность видеть недостроенные военные корабли водоизмещением около тысячи тонн, стоящие в сухих доках.

Перед нами поставили новую цель – Херсон, и поход продолжался. 25 октября мы вновь переправились через могучий Днепр, воды которого впитали в себя нашу кровь и пот где-то за 100 километров к северу отсюда. Было ясно, что части южной армии впереди нас продвинулись до Азовского моря и что мы должны соединиться с ними и послужить им подкреплением. Вскоре оказалось, что мы приближаемся к западным окраинам мрачной, пустынной местности, называвшейся Ногайской степью.

После тяжелых боев, продолжавшихся с 26 по 28 октября, дивизии 11-й армии пробили узкий перекопский коридор и таким образом открыли дорогу для нашего наступления на Крымский полуостров. Как часть резерва Верховного командования вермахта, 132-я пехотная дивизия была придана армии фон Манштейна. Для того чтобы пробить узкий коридор, было возможно задействовать лишь ограниченный контингент войск, так или иначе, теперь было необходимо пополнить армию для дальнейшего наступления на полуостров и оккупации его.

Продвигаясь вперед по могилам татар, древних защитников Крыма от северных завоевателей, мы вступили в новую зону боев. Нашей дивизии, совместно с 15-й пехотной дивизией, приданной LIV корпусу, было предписано упорно преследовать противника в направлении линии Бахчисарай – Севастополь. Также было необходимо одновременно перерезать дорогу на Севастополь. Передовые подразделения моторизованных частей сосредоточились для атаки.

31 октября противник обнаружил признаки повсеместного отступления. Передовые подразделения длинными колоннами быстро продвигались к югу, а части на конной тяге отставали, их продвижение к фронту шло медленнее. В Кара-Наймаке лошадей как пехотного, так и артиллерийского полков пришлось поить из одного-единственного колодца – все остальные источники воды были отравлены отступающими советскими войсками. Огромное количество сбившихся в кучу повозок и скота производило такое впечатление, будто они из какого-то другого времени, будто по степи мчится, сметая все на своем пути, армия завоевателей, пришедших из другого столетия. В Крыму нас преследовало растущее ощущение того, что мы все больше изолируемся от западного мира.

Мы испытывали жестокую нехватку воды, а те немногие глубокие колодцы и водохранилища, которые не были отравлены отступающим противником, содержали солоноватую воду, либо неприятную на вкус, либо вообще непригодную для питья. Солдаты мучились неуголимой жаждой, потому что работали в условиях мучительной жары, а нехватка воды для лошадей стала столь критической, что даже самых сильных и здоровых животных приходилось часто сменять в упряжках.

Ротная полевая кухня попыталась сварить кофе из солоноватой воды, подсластив ее сахарином, но в результате получилась отвратительная на вкус бурда, которую выпить можно было лишь при огромном усилии воли.

Продолжительность суточного марша пехотных рот и подразделений на конной тяге теперь составляла от 50 до 60 километров. Моторизованные разведывательные части и бронетанковые подразделения могли двигаться гораздо быстрее и быстро достигли долины Альма.

С запада на восток, по направлению к Черному морю, Крымский полуостров пересекают три зоны больших долин: Альма, Кача и Бельбек. Северная часть полуострова – это обширная соленая степь. Здесь находились большие залежи промышленной соли. Воды Сиваша легко испарялись, а драгоценная соль оставалась и выстилала котловины. Во многих других областях России соль встречается редко, и ее трудно добывать. Продвигаясь маршем через Украину, мы заметили, что соль использовалась местным населением как средство обмена, и она ценилась здесь больше, чем у нас на родине. Когда мы проходили через деревни, крестьянские женщины преподносили нам блюда с хлебом и солью как знак гостеприимства, и это указывало на высокую ценность, которую придавали этому дорогостоящему продукту.

Центральная часть Крыма – плоская равнина, где почти не встречается деревьев, но, тем не менее, она плодородна и хорошо ухожена. Здесь, как и повсюду в советской империи, хозяй-

ства были поставлены под управление коллективов, образованы колхозы. В зимние месяцы в этом районе бушуют снежные и ледяные ураганы, пришедшие с Восточной Украины.

На юге находятся горы Яйла. Они круто поднимаются от уровня моря до высоты две тысячи метров и резко обрываются у Черного моря, на южном берегу. Эти горы густо покрыты лесом, а долины, тянущиеся с юга на север, покрыты бурной растительностью. Повсюду видны фруктовые плантации, а также живописные татарские деревни.

Вскоре мы достигли участка боевых действий, название которого не будет давать нам покоя в течение многих месяцев: Севастополь. В течение следующих нескольких дней мы осадили его северные и северо-восточные рубежи.

В первые дни ноября мы мало соприкасались с противником; тем не менее, артиллерийские батареи продолжали обстреливать наш незащищенный западный фланг. 2 ноября части 436-го и 437-го пехотных полков покинули район сосредоточения, расположенный в селении Чанишкой, и вскоре, в ранние утренние часы, встретили упорное сопротивление противника. Несмотря на то что русские теснили нас с левого фланга, мы наступали в направлении Аджи-Булата и прорвали оборону противника, открыв тем самым путь к дальнейшему наступлению.

С приходом сумерек мощный натиск врага на наш левый фланг стал для нас очевиден. Части противника подавлялись лишь сильным огнем артиллерии. Прошел слух, что из-за нехватки личного состава артиллерийские расчеты противника пополнялись добровольцами из числа заключенных, содержащихся в русских лагерях.

В течение ночи части советской морской пехоты не прекращали попыток прорыва, но, когда отчаявшиеся советские войска пытались пробиться через наши позиции в направлении Севастополя и побережья, их атаки разбивались о наши мощные оборонительные укрепления.

Чтобы защитить открытый западный фланг и подавить огонь батареи вражеской береговой артиллерии, расположенной на берегу Черного моря и препятствующей наступлению дивизии, подразделения 438-го пехотного полка нанесли удар в западном и юго-западном направлениях. Небольшому ударному отряду позже удалось достичь ложных позиций этой батареи. Здесь были обнаружены деревянные стволы артиллерийских орудий, нацеленные в небо, выглядевшие угрожающе, но беспомощно.

Русские сумели скрыть истинное расположение этой батареи тяжелой артиллерии, которая находилась дальше к югу, возле Николаева. С наступлением темноты после тяжелого боя нам удалось захватить позиции береговой артиллерии. Нам были видны маневры вражеского корабля на Черном море, и наше ПТО открыло по нему огонь. За ночь войска противника оставили береговую батарею, и уцелевшие военно-морские части эвакуировались с полуострова на лодках, а затем их подобрала большие советские корабли, крейсировавшие в открытом море.

Лейтенант Дигль из II батальона 438-го пехотного полка вместе с 20 своими товарищами погиб смертью солдата в ходе этой операции. Нам стало очевидно, что русские полностью контролируют Черное море, так как на горизонте были видны силуэты советских военных кораблей, беспрепятственно крейсировавших вне пределов досягаемости наших орудий. За день до этого, во время боя, мы видели огромное количество самолетов ВВС противника, но вскоре истребительная авиация очистила небо от вражеских самолетов.

3 ноября, в середине дня, передовые подразделения моего полка, состоящие из части 14-й моторизованной противотанковой роты и 9-й велосипедной роты, захватили небольшую татарскую деревушку к юго-западу от Эвель-Шейха, в которой мы обнаружили покинутый вещевой склад, где содержалось довольствие для русской армии, в том числе много ящиков с папиросами.

Мы продолжали наступать по долине Кача. В лучах заходящего солнца пейзаж казался изумительно красивым. Была видна узкая дорога, идущая вдоль насаждений тополей и между фруктовыми плантациями. С расстояния около полутора километров мы смотрели на симпа-

тичные небольшие татарские домики с деревянными террасами и низкими крышами, разбросанные по долине и между гребнями холмов.

Когда мы приблизились к окраине селения, идущее впереди подразделение попало под сильный вражеский огонь, и я немедленно открыл стрельбу из своего ПТО по еще невидимым врагам, находившихся в домах и между них. При огневой поддержке нашего орудия офицер, командир 9-й роты, начал движение вперед. По стене дома, расположенного позади нас, противник вел огонь из стрелкового оружия. Пули оставляли отметины на выкрашенных в землистый цвет зданиях возле позиции нашего орудия, оставляя кружащиеся облачка пыли. В этом хаосе командир нашей роты остался непоколебим и устоял на ногах, не обращая внимания на то, что снаряды били в стену позади него, в то время как мы залегли или укрылись за стальным щитом ПТО.

Сквозь оглушительный грохот пулеметов я услышал пронзительный крик раненого солдата, и кто-то стал кричать: «Ранение в живот!» Расположенный вблизи пулемет стрелял почти непрерывно – пулеметчик посылал очередь за очередью в быстро движущиеся цели. Мы были поглощены тем, что заряжали орудие и вели огонь по отдаленным фигурам, пробирающимся между домов, а пулеметчик переносил огонь по мере передвижения противника.

Мы старались создать впечатление, что бой ведется силами всего полка, а отнюдь не слабого головного отряда, состоящего лишь из пехотной роты и двух противотанковых орудий. Хитрость удалась, и мы увидели группу советских солдат, одетых в облегающие темно-синие морские бушлаты, отступающих по дну долины на запад, к морю.

Раненый пехотинец лежал позади нас, в нескольких шагах, на краю дороги. Его перевернутая каска валялась в нескольких футах от него. Санитар опустился на колени возле него и расстегнул его запыленный китель, чтобы перевязать рану. Через несколько секунд крики лежащего в грязи солдата о помощи превратились в неразборчивое бормотание. Его лихорадочные глаза, выделяющиеся на белом как мел лице, казалось, стали широкими от удивления; он смотрел вперед, в черноту, и на него быстро опустилась тень смерти. Санитар снял часы с безжизненной руки солдата и торопливо стал вынимать личные вещи покойного из карманов изорванного, забрызганного кровью мундира. Мы отвернулись и занялись собственными мыслями и обязанностями.

Мысли тех, кто находился поблизости, были сугубо личными, и никто не мог избавиться от чувства острой жалости к нашему брату в сером мундире, сраженному смертью. Однако, думая об этом, каждый из нас, как оказалось, устремлял свои мысли на себя самого, на то, что, возможно, именно он будет следующим, кто погибнет, следующим, кто найдет свою могилу в России. Такие мысли иногда овладевали нами, и мы были беспомощны перед ними, как и перед смертью, которая так быстро унесла нашего товарища. Так началось осознание того, что эта чужая земля истребляет нас.

Люди стеснялись и старались подавить эти переживания. Во время боя эти подавленные эмоции опутывали каждый нерв и были напряжены до предела из-за того, что мы вновь и вновь сталкивались с чем-то, вызывающим у нас чувство неопишемого ужаса. Лекарством от внутреннего смятения было для нас лишь действие – посильная помощь раненым, манипуляции с оружием и военным снаряжением, ведение огня по противнику. Пехотинцев все больше и больше охватывало чувство беспощадного гнева, и возбужденный разум мог концентрироваться лишь на мщении за павших товарищей, истреблении врага, разрушении. Высшая степень ярости напоминала суицидальные настроения, столь близко друг от друга находились страх и смелость. В часы затишья мы иногда говорили о том, какое влияние на нашу жизнь оказывают утраты и опасность, с которыми мы встречались ежедневно. Все сходилось в мысли о том, что простые люди с сильной натурой зачастую лучше справляются с ситуацией, испытывая меньший психологический стресс, чем те, кто в обычных условиях считаются интеллектуалами или чувствительными личностями. Однако не существует правил, которые могли бы

послужить ориентиром для подобного рода рассуждений, они применимы лишь к конкретной ситуации, которая никогда больше в точности не повторится. На войне все ситуации отличаются друг от друга; личность солдата со временем, по мере того как он набирается опыта, также меняется.

Часто говорят, что люди к этому привыкают. Человек может привыкнуть к опасности или постоянному присутствию смерти. Тем не менее, в течение всех долгих лет Русской кампании вид тяжело раненных, агонизирующих солдат и мое бессилие им помочь всегда тревожили меня гораздо больше, чем мгновенная и безболезненная смерть товарища. Он встретил смерть, и его не стало, а крики наших раненых или раненых врагов, лежащих на нейтральной полосе, часто были слышны долго после того, как смолкали орудия.

Глава 3

Мекензиевы высоты

В неясном свете раннего ноябрьского утра, неся обязанности часового, я сидел на лафете орудия, как вдруг на очень близком расстоянии раздался треск винтовочных выстрелов и слышались пулеметные очереди, причем пули летели надо мной и сзади. Я спрыгнул с лафета и, обернувшись, увидел много русских, которые не далее чем в пятидесяти шагах от моей позиции быстро перебегали между фруктовыми деревьями. Меня тут же пронзило ледяным холодом, когда я понял, что наше небольшое подразделение отрезано от роты. Рухнув на землю между опорами станины, я нервно подтянул ложу своего карабина к щеке, прицелился в один из темных силуэтов и спустил курок. Легкая винтовка дала о себе знать отдачей от выстрела, и парализующий страх тут же испарился. Пока я вставлял новую обойму в патронник своего карабина, наш пулеметный расчет, разбуженный грохотом перестрелки, примчался к своему пулемету и стал лихорадочно разворачивать ствол пулемета в тыл. Через несколько секунд он уже прочесывал широким веером продольного огня подлесок между деревьями. Расчет моего орудия выбрался из укрытий и ринулся к моей позиции у пушки; однако мы не могли начать стрельбу из своего орудия, не причинив при этом своим огнем прямой наводкой вреда своим же солдатам.

Русским удалось просочиться между нами и татарскими домами, где располагались 9-я и 14-я роты, и мы видели, как наши солдаты выскакивали из домов в отдалении, всполошенные нарастающей интенсивностью перестрелки. Стрельба быстро распространилась между фруктовыми рощами, когда советские войска перенесли на нашу позицию опустошительный огонь, а сами попали под огонь наших основных сил. Когда наши войска обрушили более мощный огонь на противника с обоих направлений, атаковавшее вражеское подразделение было практически уничтожено, а уцелевшие под шквалом огня советские солдаты взяты в плен.

Из допросов пленных стало ясно, что вражеский отряд был частью группы, которая предыдущим днем пыталась прорваться к берегу через наше расположение. Пленные были одеты в морскую форму, похоже недавно изготовленную и все еще остававшуюся безукоризненно чистой. Пленные утверждали, что являются членами элитной части морской пехоты, и на нас произвела впечатление огромная огневая мощь, которую производила такая небольшая группа воинов. Все были вооружены полуавтоматическими винтовками или короткоствольными автоматами, в круглых магазинах которых было до 72 патронов.

Я взял для себя у одного из пленных автомат и несколько круглых магазинов, поскольку уже не доверял карабину «98к» в ближнем бою. Я чувствовал себя увереннее с более мощным автоматом, и он оставался со мной в течение многих месяцев.

Между разрушенными жилищами вдоль узкой дороги тянулась древняя каменная стена, окаймляемая огородами. Мы выбили из нее камни, чтобы сделать амбразуры, глядящие в сторону противника. Позади своей позиции устроили баррикаду из камней для защиты от вражеского минометного и артиллерийского огня. Нам повезло на нашем участке, а позади, в отдалении, продолжали грохотать разрывы фугасных снарядов.

Мы изо всех сил старались укрепить свою огневую позицию, но наше занятие опять прервала вражеская контратака. Советская морская пехота прокралась сквозь густой подлесок среди деревьев на близкую дистанцию, и вдруг перед нами возникли, как скоротечные рассветные тени, безмолвные фигуры, одетые в черно-синее.

Снова загрохотал пулемет, сопровождаемый лаем наших минометов, расположившихся в тылах, за которым через секунды слышались удары, от которых взметались вверх тучи земли

примерно в 150 шагах впереди нас. Вражеское продвижение приостановилось, и противник вновь испарился в подлеске, оставив после себя убитых и раненых.

Прочесывая район, мы наткнулись на одного невредимого русского, который заблудился, лежа за искореженным пнем в 50 метрах от нашей огневой позиции. Криком «Стой! Руки вверх!» и «Иди сюда!» я приказал ему приблизиться к нашим позициям. Он, спотыкаясь, двинулся вперед с высоко поднятыми руками и добродушной улыбкой на лице. Мы сняли с его пояса две ручные гранаты, полный подсумок патронов, и посыльный повел его в штаб роты.

Непрекращающийся минометный огонь отравлял наше существование днем, грохот взрывов постоянно слышался в наших окопах. Однажды, изучая через полевой бинокль лежащую перед нами местность, наш ротный командир вдруг откинулся назад, вскинув высоко вверх обе разорванные кисти, кровь хлестала из открытых ран и лилась через рукава. Острый, как бритва, осколок мины разрезал стекла и начисто отсек несколько пальцев на обеих руках. Больше командира нигде не задело, и его радист сопровождал его в полевой госпиталь.

5 ноября дивизии получили приказ овладеть Бельбекской долиной возле Дуванкоя, Гадчикоя и Беюк-Отаркоя. Задание было выполнено вечером того же дня, а последовавшие за этим в течение двух дней атаки обрели форму стреловидного продвижения, в ходе которого был захвачен большой участок внешней обороны и полевых позиций к северо-востоку от крепости Севастополь. Мекензиевы высоты, сам город и возвышающаяся территория, обозначенная как высота 363.5, были взяты и удерживались в тяжелых боях.

В конце дня 7 ноября полк получил приказ установить орудия на линии обороны Мекензиевых высот. Вскоре после этого одна из рот ПТО во время советской контратаки подбила вражеский танк.

Наш тягач подбрасывало на ухабистой дороге, ведущей к месту нового назначения – западной гряде гор Яйла. Лежавшее перед нами высокое плато было покрыто густыми лесами и подлесками; и как было видно издали, плавно поднимавшиеся холмы и неглубокие долины, откуда мы только что продвинулись, были похожи на гладкий зелено-коричневый ковер. Перед нами открывался изумительный пейзаж полей, окружающих Бахчисарай, зубчатые белые известняковые скалы к югу были окутаны легким розовым свечением на фоне заходящего солнца. Вид был безмятежный; однако война грохотала выстрелами наших батарей на высотах, а вражеские снаряды в ответ внезапно рвались на плато Мекензи.

Примерно в двадцати шагах от тропы мы наткнулись на массивную бетонную амбразуру, из которой торчал ствол советской скорострельной пушки, ее стальная плита круто вздымалась в вечернее небо. Совсем недавно брошенная, это явно была одна из пушек, которые принесли нам столько мучений, стреляя в нас несколько дней с этих господствующих высот.

Тяжелая артиллерия скоро перенесла огонь на эти скалы, и нам пришлось искать укрытия от раскаленных добела снарядных осколков в этом оставленном бункере. По конструкции эта гигантская пушка походила на нашу 88-миллиметровую зенитную, хотя и была большего размера, а на тяжелой станине на английском языке была отчеканена техническая информация, а также калибр и год производства – 1938-й. Мы предположили, что ее, должно быть, создали для использования как английское или американское морское орудие.

Через несколько секунд после того, как мы нырнули в этот бункер, Гартман обратил наше внимание на автомашину с боеприпасами, которая медленно взбиралась по крутому склону вслед за нами, и мы приготовились к ее подходу. И вдруг неожиданно в 200 метрах от нас трехосный «форд» взорвался, испуская бешеное пламя, а в небо спиралью поднялся султан черного дыма.

Боеприпасы, нагруженные доверху, стали детонировать, посылая на нас дождем горячие осколки и уцелевшие снаряды. Автомашина, которая, наверно, получила прямое попадание из замаскированной пушки, которым пробило незащищенный топливный бак, несколько часов продолжала поливать территорию искрами. После того как это извержение стало затихать, мы

осторожно приблизились к автомашине, и, наконец, пламя утихло настолько, что мы смогли вытащить из горящего грузовика измятое и обожженное тело мертвого водителя.

И вновь на заходе солнца пошел дождь. Под струями воды, стекающими с плащ-палаток, свисающих с усталых плеч, орудийные расчеты стали копать и долбить в каменистом грунте могилу для своего мертвого ефрейтора. В молчании была выкопана неглубокая могила, и каждый погрузился в свои думы, которые неизбежно досаждают, когда теряешь одного из товарищей. Солдаты вцепились в скользкие саперные лопаты, мелкая могила была готова, с трупа сняли личный жетон, и спаленные останки оставили покоиться плотно завернутыми в прорезиненный саван. Мы насыпали на могилу земли и положили сверху на возникший холмик его изношенную и поцарапанную каску.

Трудно было себе представить, что его жизненный путь пришел к концу, и осталась только стальная каска на невысоком холмике земли на склоне крымской горы. Дождь усиливался, смывая почву с крошащихся камней, которые мы навалили на его могилу. В темноте камни выглядели белыми, как мел, отражая свет сигнальных ракет, взлетающих и плавающих вдали над Мекензи.

Холодный дождь лил всю ночь, стекая с краев шлемов нам за воротники, пока мы толкали орудие через вязкую глину до огневой позиции. Когда на горизонте забрезжил рассвет, мы поделились эрзац-кофе с часовым, сидевшим за пулеметом. Он рассказал нам о мощных советских контратаках, которые происходили в этом секторе предыдущие дни. Потом мы вновь вгрызлись в землю, копая глубже и укладывая камни вокруг нашего орудия для защиты от снарядных осколков.

Неожиданно и беззвучно из темноты хлынули волны вражеских солдат. Против нас была сосредоточена отборная советская морская пехота, а ее ряды были укреплены рабочими отрядами, призванными с заводов и доков Севастополя. Они атаковали нас со стороны густого подлеска перед Мекензи с хриплыми криками «Ура!». Кинувшись к своим орудиям, мы из атаковавших превратились в защищающихся и были готовы так же яростно оборонять свои позиции, как несколько дней назад это делали русские на этих же высотах.

Мы открыли в упор по атакующим огонь фугасными снарядами. Грохот боя заглушал крики советских солдат; лихорадочное перезаряжание орудий скрывало ужас, который охватил наши ряды. Рядом тяжелый пулемет прогонял через подающий лоток одну за другой ленты блестящих патронов, бесконечным потоком выбрасывая гильзы из горячего приемника. В 50 метрах перед нашими окопами на каменистой почве стали рваться мины, – это стоявшие позади нас минометные расчеты попытались ослабить навалившиеся на нас волны атакующих. Наступление замедлилось перед нашими окопами. Открытое пространство перед нами было усеяно черными силуэтами убитых и умирающих. Сквозь звон в ушах от близкой стрельбы из сотен стволов можно было различить только крики раненых. Предрассветный воздух оставался тяжелым и почти удушающим от горького порохового дыма, и сквозь дым и пыль с трудом можно было разглядеть очертания раненых вражеских солдат, бившихся в агонии перед нашими позициями.

Спустя несколько минут мы подверглись еще одной атаке, и поднявшееся над горизонтом солнце обнажило весь ужас картины поля боя. Движимые ненавистью и жадой крови, подогретые щедрой дозой водки, русские, шатаясь, шли впереди угрожающе размахивавших пистолетами комиссаров, их громкие крики «Ура!» опять пропали в оглушительном грохоте взрывающихся снарядов. Сквозь этот рев я услышал крик пулеметчика: «Я просто не могу все время убивать!» Он неотрывно нажимал на спуск, посылая потоки пуль из дымящегося ствола «МГ» в массы атакующих. Наши снаряды от ПТО порождали бреши в рядах. Эта атака оставалась в каких-нибудь 50 метрах от ствола нашего орудия.

Мы располагались на стратегически важной высоте, находившейся поблизости от Мекензи, и Красная армия вполне осознавала, что, если допустит наш прорыв к Северной

бухте, их жизненно важные коммуникации будут перерезаны. Поэтому, подстегиваемые угрозами, насилием и патриотическими призывами комиссаров, многократными атакующими волнами русские бросались на нас.

К полудню мы насилу сохраняли сознание, двигаясь в плотном пороховом дыму. В ушах стоял звон, мы были физически измотаны напряжением и ужасом боя, с трудом передвигали ноги, пытаясь расчистить свою огневую позицию. Пулеметчики уже не могли распрямить пальцы правых рук; минометные расчеты с трудом поднимали руки от истощения. Стволы пулеметов, которые быстро менялись в короткие паузы между атаками, лежали на земле. Пустые ящики из-под патронов были разбросаны повсюду под ногами.

На наши позиции упала тяжелая тишина. Пулеметчик и заряжающий в изнеможении свалились на свой пулемет, тупо глядя в пустоту. Расчет ПТО бросился на землю, все еще не в состоянии до конца осознать ужас атаки. Позади наших позиций еле-еле слышалось звяканье саперных лопат, а звон в ушах постепенно слабел.

Мне припомнилось из истории, как в Средние века защитники какой-то крепости складывали убитых рядами, чтобы те послужили прикрытием в крайнем случае. Сейчас на ум пришло сравнение. Перед нашими позициями густо лежали убитые и раненые русские. Прикрывавший их во время атаки плотный подлесок был порублен и разорван на кусочки тысячами пуль и осколков снарядов.

С уходящим солнцем мы приветствовали приход темноты-защитницы. Всю ночь нам не давали покоя стоны раненых русских, лежавших на ничейной земле. Мы укрепили позиции и надрывались, перетаскивая ящики со снарядами. Со стороны советских войск не предпринималось никаких попыток убрать своих раненых ни скрытно, ни под защитой белого флага. Спать было невозможно. Перед сектором нашего батальона при риске навлечь огонь какого-нибудь снайпера был проведен поспешный подсчет убитых врагов. Еще долго после этого я слышал во сне слова пулеметчика: «Я уже просто не могу убивать!»

Чудом в расчете моего ПТО никто не был убит, хотя батальон понес многочисленные потери. Советским атакующим волнам удалось прорвать участок нашей обороны перед тем, как в рукопашном бою их отбросили назад. В тот вечер, когда мы перевозили из тыла боеприпасы и продовольствие, по пути оказались возле полевого медицинского пункта, и тут, когда в наших ушах зазвенели стоны собственных раненых, мы, спотыкаясь, пошли в их направлении.

Сквозь темноту мы двинулись за парой носильщиков, которые обходили воронки от снарядов, наполненные мутной водой. Мы прошли ряды наших убитых, завернутых в плащ-палатки, ожидающих своего последнего путешествия в тыл на телегах, запряженных мулами. Однако в ту ночь им пришлось ждать последнего похода с германской армией, поскольку в первую очередь перевозили раненых. Мы видели молодого армейского хирурга, склонившегося над неподвижной фигурой и непрерывно работающего с помощью санитаров, с засученными рукавами в неясном свете полевой лампы.

Плащ-палатки, отяжелевшие от дождя, были раскинута над ямами, в которых было полно раненых, и в желтом свете шипящей лампы им делали уколы морфина и противостолбнячной сыворотки. Плотно перевязывали ранения в легкие, артерии зажимали скобками, бинтовали конечности и вправляли суставы. наших раненых укладывали рядами на кучи соломы, к мундирам прикрепляли бирки эвакуации. В грязных, порванных мундирах, перевязанные пропитанными кровью бинтами, они наполняли атмосферу сбивающей с толку мешаниной воплей, стонов, хныканья и каменным молчанием ожидавших своего путешествия в неизвестном направлении. Их увозили в тыл небольшими группами на подводах.

Тяжелая рана действует шокирующе на солдата, независимо от того, сколь он силен и храбр, и он быстро становится травмированным тем, что на него обрушилось.

Нашей единственной мыслью было сбежать из этого кошмара, покинуть это место грязи, страданий и смерти, подальше, туда, где не падают снаряды. Мы поспешили вперед и вернулись к знакомой успокаивающей обстановке у своего орудия, оставив позади эти страдания.

Вторая половина ноября 1941 г. Ночами было морозно. К счастью, в Крыму не бывает жестокой русской зимы, и мы не испытывали тех длительных страданий от температур ниже нуля, какие пришлось пережить нашим товарищам на северных участках фронта. В северной и центральной частях Крымского полуострова зима в основном похожа на ту, что бывает у нас в Германии, с морозом и снегом, но на Южном побережье, на «русской Ривьере», погода остается сравнительно мягкой.

Проведенные дни и ночи дали нам понять, что зимняя форма, выданная согласно положению о службе в германской пехотной дивизии, слишком легкая, особенно для солдат на переднем крае. Во фронтовых условиях мы были вынуждены жить в открытых окопах или за каменными стенами, а крыша над головой состояла из легкого брезента плащ-палаток. В этих примитивных укрытиях мы были открыты стихиям, и еще хуже стало с наступлением морозов и дождей. Тыловые части, включая интендантов и вспомогательный персонал, обычно пользовались возможностью подыскать теплые помещения и устраивались в имевшихся русских домах, несмотря на то что морские орудия большого калибра с советских кораблей и из крепости могли накрыть эти цели далеко позади нас.

Вражеские истребители и бомбардировщики «мартин»⁷ ежедневно атаковали места расположения наших батарей, походные госпитали, колонны снабжения, командные пункты и другие цели. К этой нагрузке добавился еще и сезон непролазной грязи. Когда теплело, тропы и дороги превращались в бездонные топи; тяжелые грузовики буквально встали. И опять подвоз материалов к передовой линии фронта оказался в зависимости от неутомимых украинских осликов, тянувших примитивные подводы.

Мы в передовых частях уже закалились, все предыдущие месяцы постоянно испытывая лишения и физическое истощение. Бои, переходы, жизнь под открытым небом, при этом частые страдания от жажды и холода сделали солдат крепкими и выносливыми, без единого грамма лишнего жира на ребрах.

У противника мы научились искусству импровизации и самообеспечения. В холодные ночи мы утепляли свои блиндажи и каменные укрытия синими шинелями, которые стащили с вражеских трупов, лежавших перед нашими позициями. Мертвецы Советской армии также снабдили нас плотными коричневыми фланелевыми перчатками. Откуда-то из тыла до нас дошла инструкция о том, что при ночной температуре ниже нуля в качестве перчаток можно использовать армейские носки. В ясно изложенной четким военным языком рекомендации говорилось, что солдатам на переднем крае надо прорезать в носке два отверстия для большого и указательного пальцев. Кто-то, вероятно, не знал, что наши сапоги вот-вот уже можно будет выбрасывать, а носки почти превратились в лохмотья и в них было так много дыр, что нам было нетрудно найти отверстия для всех пяти пальцев.

Как и грязь, обрушившаяся на нас с холодами, линия фронта застыла и стабилизировалась. Враг беспрерывно пытался отбить Мекензи и южные высоты, а также Дуванкой. Наши собственные войска оставались слишком слабыми, чтобы внезапной атакой захватить грозившую нам приморскую крепость, а ситуация все более осложнялась из-за отсутствия у нас танков и артиллерии. Гарнизон советской крепости сумел выиграть достаточно времени, чтобы укрепить свою позицию и сделать оборону прочной. С советским флотом, обладавшим абсолютным господством на Черном море, крепость была способна без труда получать снабжение и подкрепления с Таманского полуострова и с Кавказа.

⁷ Автор, скорее всего, имеет в виду советские бомбардировщики «СБ».

Наши собственные артерии снабжения растянулись на немыслимое расстояние по континенту из Крыма до Германии. Механические поломки очень ненадежных германских локомотивов стали уже притчей во языцех в зимних условиях, когда они пересекали Украину при сильных морозах. Когда наступало потепление, моторизованные колонны утопали в трясине на мягких, немощенных дорогах Южной Украины и Северного Крыма. Дороги на глинистой почве становились практически непроходимыми для механизированных соединений, когда те пытались проложить путь в размякшей, пропитанной дождевой влагой земле. Сам вопрос поставок стал критической проблемой для всей 11-й армии.

Из-за ухудшившейся ситуации со снабжением приходилось очень скупо использовать тяжелые снаряды. Дневной паек становился все более однообразным и состоял главным образом из ячменного супа, смешанного со странным варевом из сушеных овощей, которые пехотинцы презрительно называли «проволочным заграждением», к чему добавлялся армейский пайковой сыр, выдавливаемый из тюбиков.

Незадолго до того, как нас на переднем крае в Мекензи сменила 24-я Саксонская пехотная дивизия, нас вновь стала изводить пропагандистская машина большевиков. Мы уже давно познакомились с листовками, которые призывали нас дезертировать, тонны которых сбрасывались на нас во время форсирования Днепра целую вечность тому назад. Ночи часто наполнялись визгом громкоговорителей, извергавших бесконечные политические речи и неуклюжие попытки убедить нас перейти на сторону врага:

«Германские солдаты и рабочие, сбросьте иго угнетающих вас империалистов и фашистской клики! Переходите к нам, в государство колхозников и рабочих. Вас ожидают чистые, удобные постели, красивые женщины, хорошая еда и приятное вино! И вам будет гарантирована жизнь!»

За этим следовал «Интернационал», на который мы обычно отвечали злыми пулеметными очередями. С монотонной регулярностью эта рутина возобновлялась каждое утро.

Через короткое время после отвода с передовой мы узнали, что участок сектора, который держала наша часть, перешел в руки русских. Мы понимали, что это отступление вполне могло произойти и тогда, когда мы занимали эти позиции; тем не менее, наши пехотинцы окрестили тех, кто сменил нас, «дивизией танго» – шаг вперед, два шага назад. Отношения между двумя пехотными дивизиями из-за этих слов стали настолько напряженными, что один из наших обер-лейтенантов и офицер из Саксонии чуть не сошлись на дуэли, которые уже несколько лет как были запрещены в Германии. Этот инцидент смогло предотвратить лишь своевременное вмешательство нашего командира.

В ноябре 1941 г. ротные тылы располагались возле Бахчисарая в какой-то деревне на главной дороге, ведущей на Симферополь. Она состояла из мощенной настоящим булыжником улицы, по которой грохотали колонны с грузами, катившие на Севастопольский фронт. До деревни простиралась открытая местность, по которой мототранспорт шел только на полной скорости, грохотали подводы, запряженные мулами, которые мчались галопом.

Фраза «на виду у вражеских сил» была известна каждому водителю, и они полностью сознавали опасность, которую таил этот отрезок дороги, даже без знаков, предупреждающих личный состав об опасности. Можно было с уверенностью ожидать, что проходящие машины привлекут внимание вражеской артиллерии, стрелявшей с большого расстояния из северного сектора крепости Севастополь. Тяжелые 305-миллиметровые снаряды, посылавшиеся из бронированных башен форта, именуемого «Максим Горький I», оставляли на дороге внушительные воронки. Большинство из моих земляков впервые слышали имя великого русского поэта⁸, когда интересовались источником этих визжащих, завывающих снарядов, которые регулярно сотрясали участок земли перед нашей позицией. Я так и не знал, то ли Советы сами назвали

⁸ Ошибка автора, А.М. Горький – русский, советский писатель.

эти огромные орудия в честь поэта, то ли это просто было одно из боевых прозвищ, быстро распространившихся среди солдат, чьи жизни становились жалкими в его присутствии.

Бахчисарай лежал к востоку от этой дороги, искусно разместившись в живописной долине. Это была старая столица крымских татар, и здесь находился ханский дворец со стройными минаретами и деревянными арками, украшенными богатой резьбой. Бахчисарай знаменит 127 своими фонтанами, которые, хотя и полуразрушенные, не утратили восточного досоветского великолепия. На городском базаре нам встречались торговцы, обменивавшие и продававшие товары, которые у нас считаются отбросами.

Когда до нас дошла весть, что скоро нас снимут с передовой, мы быстро отправили своих водителей на поиски подходящего жилья в районе отдыха. Они подыскивали небольшой татарский дом с маленькой верандой, со вкусом украшенной резьбой по дереву. В доме было две жилые комнаты, скудно обставленные мебелью. Вдоль стен стояли низкие скамьи, на которых можно было и сидеть, и спать. Нам дали большой медный чан для купания – давно забытой нами роскоши.

Две согбенные морщинистые татарки принялись хлопотать, готовя для нас горячую воду. Несмотря на наши протесты, они настояли на том, чтобы мы сбросили со своих худых тел покрывшуюся коркой грязи потертую униформу, а затем стали старательно соскребать с наших тел слои грязи. В конце концов мы с расслабленными улыбками покорились этому очищению, после чего сбрили щетину с подбородков.

С обитателями этого дома у нас быстро сложились дружеские отношения, и мы меняли у них хлеб и сахарин на табак и свежие овощи. Они ясно дали нам понять, что татарский народ никогда не был другом Советов и что они глубоко возмущены «русификацией» Крыма, в результате которой они стали меньшинством с незавидным общественным положением.

В доме было несколько женщин и детей, а также старик, который редко разговаривал. Вероятно, всех молодых мужчин призвали в Советскую армию во время ее отхода. На скамье все время сидела старуха неопределенного возраста, похожая на мумию, с трубкой в беззубом рту. Единственный раз я увидел, как ее круглое лицо тронула улыбка, когда перед самым Рождеством родился ребенок. Тогда старуха ожила и принялась ковылять взад-вперед, ухаживая за молодой матерью и новорожденным.

За несколько дней до этого беременную женщину заботливо привели в дом, а теперь мы узнали о рождении младенца по его первым крикам в соседней комнате. После этого один из наших медиков дал им чистые бинты, а мы подарили молодой матери несколько конфет.

Так солдаты и русские женщины отмечали рождение новой жизни, а в нескольких километрах отсюда во всю мощь работал деструктивный механизм современной войны, и грохот разрывов эхом проносился по этой пологой местности.

Весь день нас приветствовали крики мусульманского имама, и пять раз в сутки с минарета мечети слышался его поющий голос, призывающий последователей ислама на молитву от восхода солнца до заката.

Во время подвоза к нам грузов в ходе боев за Мекензи двум нашим тыловикам из колонны снабжения удалось перебраться через крутые, кишасшие партизанами горы Яйла и достичь прибрежной дороги возле Ялты. С чутьем голодных шакалов они тут же обнаружили русский продовольственный склад. Рядом с бочками квашеной капусты и яблочного пюре находился огромный винный склад. Его опечатали и передали под охрану румынских солдат, под командованием сурового немецкого офицера-интенданта.

Двое наших солдат выпрашивали разрешение взять с собой что-нибудь со склада, но их просьбы и жалобные рассказы о голоде, холоде и жажде на передовой не смягчили сердце офицера-интенданта. И тогда эти двое решили сыграть на симпатии румын и с полевой осветительной лампой и сигаретами отыскивали охранника, который пошел им навстречу и ночью помог загрузить на машину несколько бочонков.

Ротный фельдфебель-интендант сделал нам сюрприз – три больших деревянных бочонка крымского вина приехали на самом верху кузова его грузовика. Услышав, что нам можно попробовать вина из бочонков, мы выпили бесценную темно-красную жидкость из жестянок, взятых из столовой, и полевых фляг, напевая при этом «Мельницы долины Шварцвальда». К нашему репертуару позже добавились несколько непристойных песенок, какие солдаты пели с сотворения мира, и, в конце концов, мы опустошили наши помятые сосуды.

Водители придумали хитрую систему транспортировки вина, используя кусок топливного шланга, который протянули от бочонков через открытое окно прямо к нашему жилью, куда оно поступало не замеченным нашими ротными шпионами. И мы без помех всю ночь пили сладкое крымское вино в лучших традициях Петра Великого и императрицы Екатерины.

На следующий день в ротной канцелярии был подготовлен наградной документ за боевые заслуги, а в обосновании награды было написано и подтверждено: за получение важного военного материала – вина.

Вернулся наш раненый ротный командир. Строгий, но объективный, он всегда командовал ротой с примерной справедливостью, никогда не требуя от солдат того, чего не мог или не сделал бы сам. В полевом госпитале в Бахчисарае ему, ампутировав несколько поврежденных пальцев, подлечили изуродованные руки. С забинтованными руками он обошел ротную казарму, поздоровался с солдатами и поинтересовался их проблемами. Несмотря на раны, из-за которых ему могли бы дать отпуск для выздоровления, он остался на фронте со своей ротой. Санитар Алоиз помогал ему умываться и бриться.

Оружие и техника были тщательно осмотрены. Водители регулярно проверяли состояние своих машин, чтобы быть уверенным, что двигатели немедленно заведутся, даже при температуре ниже нуля. Мы осознавали, что дни отдыха в относительном комфорте сочтены, и не могли избавиться от мыслей, что вскоре возобновятся суровые военные испытания.

В мечети ханского дворца в Бахчисарае дивизионные капелланы обеих конфессий отслужили предрождественскую службу. Согласно распорядку в роте и в строгом соответствии с национал-социалистической политической доктриной, посещение религиозных мероприятий было добровольным, однако почти все подразделение отправилось в мечеть.

Благоразумие, сила и вера оставались лозунгами, ключевыми словами в течение всех дней рождественского поста. Мы нуждались в мире, и начальное возбуждение войной отошло на задний план, его пересилило страстное желание вернуться к нормальной жизни. Мы пытались найти утешение в словах священников и капелланов в сером, но наши мысли сосредоточивались на доме, раненых и погибших. После того, чему мы недавно были свидетелями, едва оставшись в живых, политическая философия и идеалистическая риторика, которые на волне энтузиазма привели нас в эту чужую землю, превратились в бессмысленные осколки.

Перед нами маячила перспектива первого штурма Севастополя. Вместе с 22-й Нижнесаксонской пехотной дивизией мы были должны атаковать северный фланг вражеской обороны. Предстояло преодолеть сложную систему укреплений, инженерных сооружений и крутых склонов северного сектора севастопольской твердыни и пробиваться к Северной бухте.

Отлично зная, что в северном секторе сосредоточены самые мощные оборонительные средства, нам посоветовали быть готовыми «взять быка за рога». После этого удара враг лишится доступа к выходу из гавани и тем самым всякой надежды на эвакуацию морем. Для этого штурма армейское командование привлекло все имевшиеся в наличии силы. Только в районе Керчи была оставлена одна немецкая дивизия, не принимавшая участия в наступлении. В ее задачу входила береговая охрана. Она сменила плохо вооруженную румынскую дивизию сомнительной надежности.

Проблемы снабжения сказывались на укомплектованности нашей тяжелой артиллерии, боеприпасов едва хватало на продолжительное сражение. Нам также отчаянно не хватало бронетанковых войск; но и те немногие, что у нас имелись, сталкивались с огромными пробле-

мами, пересекая труднопроходимую местность, пробивая себе дорогу через сеть укреплений, обороняемых непоколебимыми воинами.

Советы создали систему укреплений всех видов и держали под контролем все поле боя. Защищаемый большими силами, северный сектор береговой крепости за холмами, возвышавшимися над Бельбекской долиной, покрывал огромную территорию к востоку от наших позиций. Всю ночь моросил дождь, но с восходом солнца небо прояснилось.

В 5.00 начался штурм крепости по всему Севастопольскому фронту. Дивизия двинулась вперед основными силами сразу за валом артиллерийского огня и дымовой завесой. Высоты к западу от территории, именуемой высота 319.9, являвшиеся целью первой волны атаки, были взяты. Из-за глубокого эшелонирования вражеских оборонительных позиций дальнейшие участки брались медленно, после подавления упорного сопротивления в отдельных очагах. Несмотря на прекрасные условия для обзора с батареей, атакующим солдатам были видны лишь немногие позиции противника до тех пор, пока они не оказались в смертельной близости от защитников. К радости пехоты, рано опустилась темнота, вынудив штурмовые группы остановиться на ночь после выполнения первой задачи.

18 декабря враг продолжал упорно сопротивляться на позициях, расположенных на рубежах от 217 до 253 и далее на юг. 11-я армия Манштейна продолжала теснить врага, с первым светом дня бросив дивизии в атаку в северном секторе крепости. Примерно в 6.15 враг был выбит со своих оборонительных позиций и отброшен через ущелья и теснины к югу от Камышлы в направлении высот вдоль рубежей 226—228. К 15.00 почти все цели были достигнуты, и дальнейшее продвижение вперед было остановлено из-за наступления темноты.

В предрассветные часы 19 сентября 132-я пехотная дивизия двинулась вперед с намерением прорвать вражескую оборону и захватить высоты к северо-востоку от Черной и обеспечить безопасность выхода к Северной бухте. Дальнейшее наступление разворачивалось очень медленно по причине сопротивления, становившегося все более упорным. Успешно отражались постоянные контратаки доведенных до отчаяния частей морской пехоты, а наше продвижение тормозилось из-за огня ранее не выявленных минометных батарей и дальнобойных морских орудий, которые обстреливали наши позиции мощным заградительным огнем. Цели, поставленные на тот день, были в конечном счете взяты ранним утром 20 декабря. В правом секторе дивизии 436-м пехотным полком был взят город Камышлы, а после тяжелого боя 438-й пехотный полк захватил высоту 251.

Дивизиям слева от нас по-прежнему мешал густой подлесок и почти непроходимая местность. Наша дивизия совместно с 22-й пехотной дивизией смогла глубоко проникнуть в оборону крепости, штурмовые части оставались нацеленными в направлении Северной бухты.

Враг, зная о наших попытках захватить подходы к гавани, бросал все новые части для обороны рубежей на нашем пути. Наши головные подразделения попали под град атак бомбардировщиков и истребителей, понеся тяжелые потери.

Был канун Рождества 1941 г. Даже в это самое святое, по мнению солдат обеих воюющих сторон, время неумолимый бог войны не устроил праздника-передышки. Мы устроились в воронках и окопах, выкопанных на прежней русской линии обороны. Со склада в тылу грузовики с провиантом доставили каждому солдату особый паек, состоявший из фляги крымского вина и буханки белого хлеба. Они также впервые за много дней привезли почту.

При свете свечи Гинденбурга, съжившись под выцветшей и обветшавшей плащ-палаткой, одревеневшими и ноющими от холода пальцами я открыл посылку из дому. Она была небольшой, так как разрешенный вес составлял 2 килограмма. Когда я поспешно разорвал мятую обертку и вокруг распространился сладкий запах имбирного хлеба, резко контрастирующий с резким запахом нестираной шерстяной формы, тяжелого кожаного снаряжения, оружейного масла, мною овладела тоска по дому. Мне прислали маленькую свечку на подставке в форме звезды из фольги, кусочек вечнозеленой хвойной ветки из нашего Шварцвальда,

небольшую бутылку шварцвальдской вишневой наливки и имбирный хлеб, испеченный моей матерью и упакованный с величайшей заботой для долгого путешествия на восток.

Мороз посеребрил влажную стенку убежища, а мы при дыхании выпускали клубы пара, который на мгновение повисал в неподвижном воздухе, перед тем как раствориться во тьме. Тесно прижавшись друг к другу, мы с Вольфом скрючились во влажной пещере, вырубленной в крымской земле, и держали руки поближе к призывному теплу рождественской свечи.

Нас уже больше не беспокоил стрекот русских «максимов» где-то вдали, и мы уже перестали обращать внимание на выстрелы, трещащие над головой. Наши взгляды из-под ободков стальных шлемов, помятых и изношенных за месяцы постоянного пользования, сейчас были прикованы к пламени свечи. Покрытые пушком щеки Вольфа выдавали его молодость, однако по глазам было видно, что этот молодой человек повзрослел раньше времени. Мы повзрослели вместе, и между нами возникло чувство братства, близости духа и доверия, которого не могут понимать те, кто всю жизнь провел в безопасности.

Вольф вытащил из кармана гармонику и негромко сыграл традиционные песни своей родины: «О, рождественская елка» и «Тихая ночь, святая ночь».

Два солдата из соседнего окопа, услышав гармонику, подползли по промерзшей земле к нашей позиции. Поджав колени, мы тесно сгруппировались в укрытии, наши тела излучали слабое, но так нужное друг другу тепло. Дух товарищества, который существовал между нами, понимание, что каждый из нас стремился покинуть это место навсегда, смягчало тоску по дому, которую мы испытывали в эти часы.

Содержимое рождественских посылок было поровну поделено; вино из фляг принесло тепло нашим стиснутым конечностям. Вольф снова сыграл песни на гармонике, и хриплыми голосами мы негромко подпевали в такт музыке.

Снаружи, за пределами лучей нашей свечи, в небо с шипением взлетела ракета, породив на земле жуткие тени, пока медленно плыла над замерзшей почвой. По соседству русский пулемет разорвал тишину, и тут же чуть впереди нашей позиции в ответ прозвучал выстрел из снайперской винтовки. Снова быстро опустилась на рубежи тишина, хотя на земле не было спокойствия.

После полуночи орудийные расчеты, ведомые командирами взводов, собрались в противотанковом рве, который был захвачен вчера нашим пехотным батальоном. С кирками и саперными лопатками мы принялись за работу, расширяя ров, уже не чувствуя холода, пока пробивались сквозь схваченную морозом почву.

Небо вдруг осветилось – примерно в 200 метрах русские послали ввысь ракету. Мы распластались на земле и неподвижно лежали до тех пор, пока ракета, которая, казалось, вечность медленно снижалась к земле, не погасла с яростным шипением.

Мы, покрываясь потом, ползли на солнце, пробившись к своей позиции. Утренний горизонт уже стал светлым, когда последние тяжелые ящики со снарядами оказались на огневой позиции. Мы отдыхали, прислонившись к стенке окопа, завернувшись в плащ-палатки, потяжелевшие на морозе, и в молчании ждали, пока придет приказ выставить караул.

В набирающем силу свете дня Рождества мы разведали свой участок и обнаружили блиндаж возле противотанкового рва. Блиндаж был добротный, построенный из крепких бревен и глубоко закопанный в землю. Враги, хорошо зная о местонахождении этого объекта, который оставили всего лишь несколько часов назад, вскоре обрушили на него огонь. И вновь мы оказались под огнем артиллерии и, как и под прежними бесчисленными обстрелами, покорились необходимости терпеливо переждать град снарядов, падающих на нас.

В углу блиндажа мы нашли небольшую печку, растапливаемую дровами. И занимались выпечкой хлеба до тех пор, пока взрывающиеся снаряды 152-миллиметровой пушки начали подкрадываться ближе к нашей позиции, сотрясая почву и взметая к небу фонтаны грязи и обломков. При каждом взрыве с балок сыпалась земля и песок дождем стекал нам на плечи и

шлемы. Инстинктивно мы отошли в дальний угол и прижались к стене. Снарядные осколки и каменные обломки прорывали плащ-палатку, висевшую на входе, и влетали в блиндаж. Артиллерийский обстрел внезапно стих; мы решили, что ливень из снарядов прекратился, но вдруг раздался ужасный грохот. Совершенно неожиданно над блиндажом разорвался огромный снаряд и швырнул нас на землю, отчего мы оцепенели и почти потеряли сознание.

С трудом мы поднялись на ноги, задыхаясь от порохового дыма и тщетно пытаясь пробиться сквозь густой дым, из-за звона в ушах не в состоянии услышать крики наших раненых. Наконец ослепляющая пыль и дым рассеялись настолько, что обнаружилась огромная дыра в потолке, через которую проникал холодный серый свет декабрьского дня. Три толстых бревна были вырваны, как спички, огромным снарядом, и тонны земли, покоившейся до этого на этих бревнах, сейчас грудой лежали перед нами.

Мы начали лихорадочно голыми руками разгребать эту гору грязи, раскапывать плотную глину в попытке освободить наших товарищей. Руками, пораненными камнями и щепками, мы вытащили из-под обломков двоих раненых солдат.

Бур был без сознания, по его лицу текла кровь, а у другого было ранение в обе ноги. Он не мог ходить, и мы подозревали, что у него перебиты кости. Он был словоохотлив и хорошо держался, несмотря на сильную боль.

Через несколько минут после того, как Бур пришел в себя, мы перебинтовали его раны. Из шести находившихся в блиндаже только двое получили серьезные ранения. Большинство из нас избежало ран, а возможно, даже смерти, потому что находились в глубине бункера, и нас спасла мощная опорная стена, когда снаряд ударил прямо в центр этого сооружения. Осматривая повреждения, мы остро осознавали, какая судьба ждала бы нас, находись мы прямо под ударом снаряда, где сейчас покоились развороченные бревна и тонны земли.

Труба и печка были полностью уничтожены, а через развороченный потолок стал проникать холод. Мы положили Бура на носилки, чтобы отнести на медицинский пункт. Снаряды продолжали рваться поблизости, а расположенная на железнодорожной линии зенитная батарея русских стала пристреливаться к нашей позиции для ведения огня прямой наводкой. Понятно, что в таких условиях второй раненый солдат отказался покидать это место, предпочитая дожидаться вечера, когда его эвакуируют на подвозчике продовольственных пайков. Я с неохотой позволил ему оставаться с нами, пока не появится возможность эвакуировать его в относительной безопасности.

К концу дня обстрел, нарастая, превратился в равномерный, непрерывный огневой вал, а наша позиция попала под огонь стрелкового оружия и гаубиц. Эвакуацию раненого солдата пришлось отложить до следующего утра. Через несколько дней мы узнали, что он умер в госпитале от осложнений из-за развившейся гангрены. Учитывая характер его ранений, я полагаю, смерти можно было избежать, если б ему была оказана немедленная медицинская помощь. Впоследствии я старался как можно быстрее оказать раненому медицинскую помощь, не уступая его личным пожеланиям, которые обычно высказываются под влиянием ужасной боли.

Ночью 26 декабря мой орудийный расчет пересек противотанковый ров и двинулся вперед. На дне траншеи мы обнаружили несколько наших погибших товарищей и прошли мимо них, отводя взгляды. Счет потерь был огромен, и мы пытались сосредоточиться на других вещах, на том, что судьба уготовит для нас через несколько минут или часов.

Мы лежали перед железнодорожной насыпью, которая шла в сторону Мекензиевых высот. Несмотря на интенсивный вражеский огонь из стрелкового оружия, по краям каждого ПТО два человека окапывали и маскировали орудия, покрывая их травой и ветками. Уже два дня нам не доставляли горячей пищи, и мы с Вольфом добровольно согласились работать подносчиками пайков. Незадолго перед наступлением сумерек мы пробрались в тыл по своим следам, идущим от рва, и поднялись на возвышенность, откуда можно было наблюдать за противником. Позади нас, пока мы пробирались по ничейной земле, перебегая от одного укрытия к

другому, слышались пулеметные очереди. Наконец мы оказались в безопасности небольшой рощицы. Когда мы бежали к зарослям, зенитная пушка с железной дороги косила верхушки деревьев над нами, и мы инстинктивно ныряли, когда осколки и ветки падали на землю возле нас. Наши сердца колотились от напряжения, когда мы наконец-то добрались до нашего бывшего блиндажа и отыскивали водителей-снабженцев, которые выдали нам термосы с едой, подогревавшиеся еще с прошлого дня.

Пока мы тащили пайки, на горизонте появилось несколько штурмовиков «Ил-2», и мы наблюдали, как они атаковали передовые позиции. Они летели низко и быстро, сбрасывая 50-килограммовые осколочные бомбы прямо на расположение нашей роты, потом делали вираж и возвращались для атаки бортовыми пушками и пулеметами.

В перерывах между воздушными налетами мы пробирались вперед в сгущающихся сумерках с термосами за спиной. А когда добрались наконец до своих позиций, командир взвода обер-фельдфебель Вайс, прежде чем вскочить на ноги, несколько секунд смотрел на нас с изумлением.

На нашу позицию сразу после нашего ухода прибыли двое пехотинцев, и осколочная бомба попала прямо в их наспех вырытый окоп. Они умерли мгновенно, и командир взвода по неведению доложил, что Вольф и я погибли в бою.

Солдаты взвода молча отпраздновали наше воскрешение из мертвых тем, что жадно поглотили горячую пищу. Мы пытались не думать о гибели двух земляков – слишком много понесли потерь, чтобы волноваться о том, чего не избежать.

Численность пехотных рот сократилась с восьмидесяти до двадцати человек. Несмотря на эти потери, роты непрерывно бросали в бой на окружающие Севастополь укрепления, им удавалось прорываться сквозь оборонительные линии и в яростных боях захватить многочисленные опорные пункты.

Ведя в течение месяцев борьбу за выживание, каждый пехотинец продемонстрировал замечательную выносливость, когда приходилось жить под открытым небом в самых суровых условиях, имея для поддержания жизни лишь полевые пайки.

Мой взвод ПТО теперь насчитывал лишь два орудия, которые обычно обслуживал расчет из четырех человек на каждое орудие. Еще с двумя солдатами мы с Вольфом начали обучать еще один расчет.

Вечером 27 декабря пехотные полки готовились к новому наступлению. Часть 501-й пехотной дивизии была придана для укрепления левого сектора. 28 декабря в 7.00 наши войска бросились на штурм. Атаке предшествовал массированный артиллерийский обстрел.

Минометчики выпустили в сторону противника множество снарядов *nebelwerfer*, которые с пронзительным визгом проносились над нами, оставляя за собой сине-белые хвосты перед тем, как взорваться на вражеских позициях. Пленные подтверждали, что советские солдаты очень боялись этих ракет, которые они прозвали «мычащими коровами». Мы же называли скорострельные русские «катюши» «сталинским органом».

Мы припали к земле в своих окопах, готовясь к броску на врага. Медленно текли минуты; солдаты в молчании нервно курили. В мозгу проносились мысли о предстоящем наступлении, женах и детях, матерях и отцах, холодных трупах товарищей, которые видели прошлой ночью. Тщетно мы пытались сосредоточиться на текущем моменте.

Пулеметчики еще раз проверили работу своего оружия и очистили подающие лотки, убедившись, что на сверкающих пулеметных лентах нет грязи и песка, которые могли бы заклинить запорные механизмы оружия. В кожаные пояса и голенища сапог вставили ручные гранаты. Ефрейтор молча перекрестился в молитве, остальные сделали вид, что не заметили.

Пока приближалась решающая минута, командиры отделений старались воодушевить солдат, стараясь убедить их, что своей потрепанной в боях и ослабленной ротой мы можем

совершить невозможное. Огневой вал пополз вперед, и цепи атакующих безмолвно устремились туда же.

После тяжелого боя Мекензиевы горы были взяты. Число солдат в роте было меньше, чем когда-либо. Мы установили свое орудие рядом с железнодорожной станцией Мекензиевы Горы, где рядом с каменной стеной для нас нашлось укрытие от непрестанно летевших артиллерийских снарядов, беспорядочно падающих на наш участок. Ночь мы провели скрючившись под подбитым русским танком. К утру снегопад покрыл истерзанную землю белым покрывалом, как будто стараясь скрыть раны войны, только немногие безобразные черные пятна выдавали места свежих воронок. Полная луна освещала окрестности, точно покрытые серебряной глазурью. Перед рассветом мы с Вольфом реквизируем из брошенного дома белую простыню, которой замаскировали бронированный оружейный щит ПТО.

В сером свете утра 29 декабря мы укрылись в небольшом каменном доме с толстыми стенами из природного камня, сквозь которые глядели разбитые оконные рамы. Потом мы узнали, что раньше это было жилище начальника станции Мекензиевы Горы. Было холодно, и мы растопили печку обломками мебели. Вольф отыскал где-то небольшой мешок картошки, которую мы порезали, чтобы поджарить на плите. Аромат картофеля наполнил эту первобытную местность, а тонкое облачко дыма поднялось из нашего жилья в спокойное, молочного цвета утреннее небо.

Враг продолжал вести мощный, но беспорядочный огонь по пристанционной территории все утро, и на чистом белом снегу резким контрастом выделялись черные круги земли, оставленные разорвавшимися снарядами. Возле угла дома взорвалась мина, но нанесла зданию лишь незначительный ущерб.

Мы устало вытянулись на полу, наслаждаясь роскошью нагретой комнаты. Утолив голод горячей картошкой с луком, мы скрутили сигареты из коричнево-золотых листьев крымского табака, которые смягчили на пару помятого медного самовара. Еще мы нарезали табак для трубок и погрузились в дискуссию относительно лучших методов обработки табака для получения максимального аромата. Один утверждал, что лучше всего замочить его в фиговом соке. Другой убежденно доказывал, что лучше всего – кукурузная водка, хотя ни того ни другого у нас не было. Желая положить конец этому глупому спору, Конрад посоветовал использовать конскую мочу, которая имела в нашей армии в избытке.

Пока солнце поднималось над горизонтом, плотность артиллерийского огня возросла, достигнув крещендо, когда бог войны стал громить наши позиции. Снаряды, взметая вверх гейзеры земли, выискивали очередные жертвы. Наш часовой укрылся возле невысокой каменной стенки, и недалекий разрыв снаряда покрыл его грязью и обломками. Мы нашли его лежащим ничком на земле, руками он прикрывал голову, а тело и ноги были в кровоподтеках. Мы потащили его к своему укрытию, ныряя вниз и бросаясь плашмя на землю при каждом разрыве снаряда.

Я взял на себя обязанности часового, ведя наблюдение сквозь раму разбитого окна. В небе висели черно-серые шлейфы от рвущихся артиллерийских снарядов, и перед тем как обстрел прекратился, я заметил несколько новых, по форме похожих на гриб облаков, поднимающихся вверх на нашем участке. В 100 метрах отсюда на морозном утреннем воздухе ярко полыхали два дома.

Со своей позиции я увидел, как два солдата с винтовками на изготовку, обходя воронки, перебегают деревенскую улицу. В небо с шипением взвились две красные ракеты – предупреждение для нас о готовности к отражению вражеской атаки.

Вражеский артиллерийский обстрел возобновился, волной перемещаясь вперед, и, казалось, большинство снарядов падало в каких-то 100 метрах от нашей позиции. Пока наш взвод по тревоге выскакивал из дома, чтобы занять свои места на огневой позиции, я слышал рез-

кий выстрел танковой пушки, смешавшийся с бешеным стрекотом винтовочных выстрелов и пулеметных очередей.

Мы бросились к своей противотанковой пушке, находившейся в двадцати шагах от того места, где железная дорога пересекала грунтовую. Присев возле орудия, я развернул его в ту сторону, откуда слышал грохот танка, и выглянул из-за орудийного щита, чтобы без помех осмотреть сектор ведения огня. Мимо промчался батальонный посыльный, отчаянно выкрикивая: «Танк! Танк!» Высунувшись из-за стального щита, защищавшего орудийный расчет, я заметил темный контур башни, медленно продвигавшейся между домами. Прижав правый глаз к резиновому кольцу оптики, я старался не выпускать из виду тяжелую машину, частично спрятавшуюся в боковой улице. С колотящимся сердцем я быстро повернул ствол туда, где в последний раз видел вражеский танк. Дистанция – 150 метров! Сердце почти выскакивало из груди, но я попытался спокойно дожидаться, когда танк опять появится в поле моего зрения.

И вот стальной колосс уже угрожающе перемещается в прицеле с повернутой в нашу сторону мощной бронированной башней. Дрожащей рукой я нажал на кнопку выстрела. Орудие слегка отскочило назад, и через прицел можно было проследить траекторию 37-миллиметрового снаряда. В ужасе я смотрел на белый дым, который взвился в небо при ударе снаряда о башню. Рикошет!

– Танк в сорока метрах! – заорал я, не отрывая глаз от оптики.

Наш заряжающий Конрад уже вскрыл ящик с бронебойными снарядами для мощной брони. С быстротой молнии Вольф загнал тяжелый, с красным наконечником снаряд в орудие и с треском захлопнул казенник. Еще до того, как смог еще раз нажать на кнопку выстрела, я ощутил холодный воздух и ударную волну на щеке в тот момент, когда мимо нас просвистел тяжелый снаряд и врезался прямо позади нас в пылающий грузовик, разбросав по всему участку куски металла.

И вновь, прочно удерживая перекрестье прицела на центре контура танка, я нажал на кнопку выстрела. В ушах звенело от выстрелов, и мы были не в состоянии услышать разрыв снаряда на цели. Вольф и Конрад уже заряжали новый снаряд, когда я заметил тонкое облачко дыма, поднимающееся из башни, а через секунды после этого появилась ослепительная вспышка. Огромное черное грибовидное облако поднялось в морозное ярко-синее небо. Мощный взрыв сорвал башню с направляющих, когда внутри танка начали детонировать боеприпасы, она сползла с шасси, и ее длинная пушка неуклюже задралась к небу.

Пулеметная очередь вспорола свежий снег прямо перед нами. Сквозь звон в ушах мы слышали чей-то вопль: «Танк справа!» Четыре солдата ухватились за лафет и с напряжением, скользя по замерзшей земле, развернули орудие стволом в другом направлении. Я разглядел второй танк, медленно разворачивавшийся среди деревенских хат, и он медленно выходил на прямую, чтобы набрать скорость. Пуская клубы дыма из выхлопных труб, он разгонялся в нашем направлении, проламываясь сквозь деревянные заборы между садовыми участками примерно в 80 метрах от нас.

Тяжелый танк, переваливаясь с боку на бок, остановился, и его башня стала поворачиваться в поисках нашей позиции. Я поспешно попытался отыскать цель. Вдруг в перекрестье прицела орудийной оптики увидел круглое черное дуло вражеского орудия. Точно так же, как я уничтожил первый танк, сейчас вражеский стрелок наводил на нас свое орудие. Лихорадочно вводя поправки на снос и дистанцию, я оказался на какую-то долю секунды быстрее. Теперь лишь мгновение должно было решить, доживем ли мы до вечера или будем похоронены в неизвестной могиле на позабытом поле боя. Наш первый снаряд с грохотом врезался в тяжелую башню, и мы увидели, как экипаж повалил наружу из задымившего танка.

«Танк справа!» Снова мы развернули ПТО и за горящими останками первого танка разглядели смутный силуэт третьего. Массивная машина, прорываясь сквозь дым, с грохотом двигалась на нас, а за ней бежали несколько русских пехотинцев с винтовками наперевес, громко

крича «Ура!». Они быстро заняли самую дальнюю цепочку домов в Мекензиевых Горах. После попадания снаряда в корпус танка, где была толстая броня, он плавно остановился, а башня стала медленно поворачиваться в нашем направлении. Мы послали в танк еще один бронебойный снаряд, и его немедленно охватило пламя. Пока мы обстреливали ряды пехоты осколочными снарядами, Вольф и Конрад с дьявольской скоростью перезаряжали пушку. В защите нашей позиции к нам присоединился одинокий пулемет, и атака была отражена.

На большом расстоянии я заметил четвертый и пятый танки, мы открыли по ним огонь, и мимолетные тени башен исчезли за гребнем холмов. Пехота отступила, чтобы оказаться под заградительным огнем наших минометных расчетов и артиллерийских батарей.

У ПТО мы вскинули руки к небу и кричали друг другу что-то невразумительное в не поддающемся контролю порыве. Мы были вне себя от облегчения, избежав почти неминуемой смерти. После нескольких долгих минут ликования я стал мысленно восстанавливать великолепную слаженность, проявленную солдатами моего расчета. Каждое движение, каждое действие и каждое слово были осознанными и приносили результат. Бесконечные тренировки и упражнения с оружием, проклятия, жалобы и пот, затраченные в прошлые месяцы, в этот день спасли нам жизнь.

Теперь открыли огонь наши артиллерийские батареи, посылая бессчетные снаряды, которые обрушились дождем на спасавшегося бегством врага. Чтобы усилить наш сектор, Пелль со своим расчетом перетащил свое ПТО через железнодорожную насыпь. Мимо нас в направлении советских войск прогрохотало одинокое самоходное орудие, экипаж его не был виден за броней, и в этот момент наш бой прекратился.

В прошлые месяцы за отражением атаки обычно начиналось немедленное преследование противника в контратаке свежими, полностью укомплектованными германскими частями. Свежие войска могли глубоко проникнуть в линию обороны Севастополя, захватить бронированный дот 626, позднее именовавшийся в рапортах как «Сталин». Этот удар привел к прорыву к бухте, в результате которого были расколоты советские войска. При существующих условиях у нас имелись лишь ослабленные боями роты, не имеющие достаточных резервов, чтобы нанести дополнительный удар.

Роты наших пехотных полков слишком истощились за месяцы непрерывных боев, чтобы выполнить такую задачу. Сейчас 9-я рота нашего полка насчитывала только 18 человек; обязанности командира роты исполнял фельдфебель. Неделями солдаты не знали передышки, отбивая русские атаки, а потом снова атакуя. Стресс и боевые потери усугублял и климат – сырые, холодные дни и морозные ночи. В окопах под укрытием изодранных плащ-палаток карманные печки, на которых от свечи можно было нагревать консервированную в банках пищу, давали тепло лишь для того, чтобы согреть больные суставы и застуженные руки. Мы отлично понимали, что наша легкая одежда вовсе не подходит для русской зимы.

В ответ на призывы к обществу о помощи наших всезнающих лидеров в коричневом, сидевших вдали от боев на Востоке, был организован сбор одежды для солдат Восточного фронта. Теплые лыжные свитера, меховые жилеты, спортивная одежда, плотные одеяла, шерстяные носки и рукавицы, собранные таким путем агентством зимней помощи, впервые поступили к нам в феврале 1942 г.

В сумерках мы с Вольфом поползли на ничейную землю ко второму русскому танку, который мы вывели из строя, единственный из трех, подбитых нами, который не сгорел. Из открытого люка башни свисало тело молодого командира танка. Вместе мы вытащили труп из отверстия в мощной броне, и я расстегнул его ремень и забрал перчатки, пистолет и планшет с картой. Мы разобрали оружейный прицел, и я заметил, что перекрестье было установлено точно на позицию нашего ПТО. Мы открыли казенник орудия и выпустили тяжелый снаряд из камеры, позволив ему упасть на пол, и с содроганием осознали, что это тот самый снаряд, который уничтожил бы весь наш оружейный расчет, не окажись мы на долю секунды быстрее.

Танк был поражен одним-единственным нашим снарядом, который пробил башню как раз под боеукладкой, мгновенно убив советского стрелка.

Когда последние солнечные лучи исчезли на горизонте, возросли шумы незатихающего фронта, под прикрытием темноты мы поползли назад к своему расположению в старом каменном доме. На обратном пути мы заметили под насыпью железной дороги идущую на юго-восток дренажную трубу, достаточно большую, чтобы в ней мог идти не сгибаясь десятилетний подросток. Внутри трубы, тесно прижавшись друг к другу, сидели несколько женщин и детей.

Головы и шеи у женщин и девочек были обмотаны плотными шерстяными платками, и фигуры казались большими и коренастыми в толстой стеганой одежде. Испуганные, дрожащими губами они молили «Воды!», и я ответил, что вода будет.

Средних лет женщина, казавшаяся самой решительной из них, пошла за мной с ведром, и я повел ее к колодцу позади нашего каменного дома. Она поблагодарила меня неразборчивым потоком слов, много раз повторяя «спасибо» перед тем, как торопливо зашагать к трубе. Вероятно, эта маленькая группка женщин и детей уже несколько дней сидела согнувшись в этом ограниченном пространстве, где нельзя было ни стоять, ни лежать, вытянув ноги.

К сожалению, это было самое безопасное место для них во время жестокой артиллерийской перестрелки, которая то и дело возникала в этих местах, и мы не могли предложить никакого более надежного убежища. На следующий день взрывом русской авиабомбы завалило вход в этот туннель.

На следующее утро мимо нашей казармы пробежал русский солдат с примкнутым к винтовке штыком, низко надвинутой шапкой и развевающейся длиннополой шинелью. По его хриплым крикам «Ура!» мы не могли определить, был ли он пьян или сошел с ума. На расстоянии двадцати шагов я крикнул ему:

– Стой! Руки вверх!

Он резко остановился и, оглядевшись, наконец остановил на нас свой взгляд. Вместо того чтобы отбросить от себя винтовку и поднять вверх руки, он нажал на спусковой крючок, стреляя в нас с бедра, и помчался на нас со штыком наперевес. Пуля ударила в каменную стену дома позади нас, и, не имея другого выхода, я поднял свой карабин и выстрелил в него в упор.

В полдень к нам в дом в сопровождении двух других офицеров зашел командир нашей роты. В знак признания наших заслуг при отражении вчерашней танковой атаки он наградил каждого члена орудийного расчета Железным крестом, забинтованными руками приколов награду к нашим мундирам.

За рождественские праздники наша дивизия получила подкрепление в виде маршевого батальона. В одном из солдат, прибывших для замены, я узнал Ганса из своего родного Вюртемберга. Мы с детства знали друг друга и были сейчас вне себя от радости, что обоим пока удалось выжить в этой войне. В начальный период Русской кампании Гансу прострелили шею, и после выздоровления ему было приказано прибыть сюда, к нам, для пополнения.

Солдаты из вновь прибывшей части не одну неделю добирались до фронта. На первом этапе они ехали в вагонах для перевозки животных, а огромное расстояние от Перекопа до Крыма они преодолели пешком. Как говорил Ганс, все солдаты были рады тому, что вновь оказались вместе с «массами», потому что только в роте земляков по-настоящему чувствовали себя свободно.

Как-то утром после разведки боем нашей обороны, которую предприняла одна советская рота, мы наткнулись на русского, раненного в живот, лежавшего на железнодорожной насыпи. Держась руками за рану, он шепотом просил воды. Среди его неразборчивых просьб мы разобрали произнесенное дрожащим голосом «Христос». Его бледное осунувшееся лицо было обращено к свинцовому небу, а глаза металась от одного из нас к другому, прося помощи у ненавистного врага, от которого его учили не ждать никакой пощады. Ганс ушел, но быстро

вернулся с двумя русскими пленными, которые на носилках, сделанных из армейских шинелей, отнесли тяжело раненного солдата в медицинский пункт.

В роте ходили слухи, что несколько дней назад дивизионный капеллан Затцгер во время посещения фронта случайно оказался вблизи передовых позиций и попал в окружение русских солдат. К счастью, среди них был один, говоривший на ломаном немецком, и Затцгер уговорил десять вражеских пехотинцев сдаться и привел их с собой в штаб роты.

Находясь на поле боя, мы мало что знали о политических и военных событиях в мире. Новости из дома приходили редко, а театр военных действий вокруг нас затмил все остальное, лежавшее за пределами нашей непосредственной сферы существования. Сверххрастянутые транспортные коммуникации напрягались до предела, поставляя нам столь необходимые военные материалы, а личная почта считалась делом второстепенной важности.

Узнав, что Америка вступила в войну с Германией, мы восприняли эту новость спокойно, почти безразлично. Многие из солдат, независимо от образования, теперь считали, что только величайшее военное искусство и удача могут принести нам конечную победу. Однако, несмотря на знание, что нам противостоит мировой индустриальный гигант, в то время мы не представляли полных размеров мощи, которая на нас обрушится.

Я вспоминал, как мой отец рассказывал, что все было потеряно для Германии с вступлением Соединенных Штатов в Первую мировую войну. В кругу близких друзей мы обсуждали наше вызывающее опасения положение. Пехотинцы, жившие в выдолбленных в промерзшей земле ячейках и сражаясь с врагом, который день ото дня становился сильнее, стали понимать, что Германии нечего надеяться на победу в войне против целого мира.

Тем не менее, наши единственные надежды мы возлагали на командование Крымской армией и на проверенные способности генерал-полковника фон Манштейна. В конечном счете он также пошел по пути многих наших самых талантливых офицеров, отказавшись склониться перед невыполнимыми требованиями и абсурдными политическими доктринами диктатора в Берлине. Пока будет тянуться война, у Манштейна отберут его армии, а нам часто придется в бою подчиняться партийным деятелям высочайшего уровня со скромными военными талантами. Некоторым из офицеров удастся получить генеральское звание скорее по политическим мотивам, чем за заслуги на поле боя.

В конце дня 31 декабря мы узнали от посыльного, что фронт будет отходить назад и занимаемый нами участок предстоит оставить. Ночью мы перетащили нашу пушку через насыпь и двинулись по дороге, ведущей на северо-восток в сторону Камышлы. После нескольких часов пути мы прибыли на только что созданные передовые рубежи и к утру были на месте сбора роты возле Бахчисарая.

Вначале мы не понимали, почему понадобилось отдавать такую большую территорию, за которую мы так дорого заплатили кровью своих товарищей. За дни Рождества две штурмовые дивизии проникли глубоко внутрь занятой русскими территории. С наших самых передовых позиций по ночам мы могли слышать предупреждающие о тумане сирены с русских кораблей в Северной бухте, «дороге жизни» для врага. Эти глубокие клинья оставили наши фланги опасно обнаженными для ударов врага, который продолжал получать подкрепление морем. Поэтому линия фронта была выпрямлена, чтобы исключить возможность быть отрезанными от главных сил.

На подступах к Феодосии, январь 1942 г. Запись в военной хронике дивизии сообщает, что благодаря «экстраординарным событиям в Крыму» возникла необходимость пересмотреть запланированное наступление на Севастополь. Только потом мы узнали об опасности, в которой очутилась сама Крымская армия. 25 декабря русские возле Керчи успешно высадили десант там, где во время боев за Севастополь была размещена лишь одна немецкая дивизия. Организованные партизанские соединения получили приказ от советского Верховного коман-

дования перерезать линии снабжения, ведущие в Крым вдоль коридора возле Перекопа, и 29 декабря и первые дни января русские высаживались в Евпатории и в гавани Феодосии. Упорно защищая свои позиции, занимавшая Керчь дивизия успешно остановила вторжение русских. Евпатория была отбита разведывательным батальоном, а партизанские отряды отброшены.

44-я пехотная дивизия в Керчи, чтобы не попасть в окружение, с боями пробивалась на запад, поскольку из резерва в наличии были одна румынская кавалерийская дивизия, тыловые части и ослабленный саперно-строительный батальон. Ситуация для армии в Крыму стала угрожающей. В первые дни января 1942 г. дивизия прошла маршем через главный город Крыма Симферополь на север от Карасубазара. Из-за оттепели, которая превратила все дороги в бездонную трясиину, продвижение вперед удавалось только ценой невероятных усилий людей и лошадей. Часто можно было видеть, как по несколько лошадей в упряжках тянули автомобильную технику. Надежные животные медленно, но верно пробивались через грязь, а механизированный транспорт безнадежно увязал в слякоти. При дальнейшем продвижении боевых частей на восток артиллерия и большинство тыловых соединений смогли хоть как-то двигаться вперед только на твердом грунте дороги Карасубазар – Старый.

Штурм Севастополя стоил дивизии таких потерь, что ее командир, генерал-лейтенант Зенценич, посчитал необходимым расформировать в каждом полку по одному батальону, чтобы довести оставшиеся батальоны до боеспособного состояния. 5 января 1942 г. Зенценич покинул дивизию, его сменил полковник Линдеман, храбрый и талантливый офицер.

Наступление было назначено на 15 января, и перед 132-й пехотной дивизией была поставлена задача прорвать оборону и через высоту 132.3 выйти к Черному морю и заливу Феодосии. Слева размещался усиленный 213-й пехотный полк, а сектор справа от нас был отдан 170-й пехотной дивизии.

Незадолго до наступления сумерек мы получили сообщение о подготовленной русскими линии обороны к юго-западу от высоты 132.13, под прикрытием двух пулеметных расчетов мы перетащили наше ПТО по промерзшей ничейной земле, держа его щитом вперед. Заняли позицию на покатом спуске, откуда был виден Феодосийский залив. Впервые мы увидели Черное море – темно-серую линию на горизонте. Мы открыли оружейный огонь по группе русских автомашин и бронетехники, которые неосторожно расположились в открытой степи на расстоянии 1500 метров от нас.

Русские ответили огнем танков и тяжелых минометов, и снаряды стали рваться на гребне склона позади нас. Во время перестрелки артиллерист другого ПТО нашей роты был убит осколками снаряда.

Я тщательно настроил прицел и навел наше орудие на удаленную цель. Снова мы оказались в ситуации, когда минуты решали вопрос жизни и смерти на поле боя. Если бы вражеские танки обнаружили нашу позицию и оказались быстрее и искуснее нас, мы наверняка нашли бы свою могилу здесь, на этом склоне холма.

Прижавшись воспаленным глазом к резиновому кольцу оптического прицела, я привел в действие спусковой механизм и проследил взглядом за траекторией нашего снаряда, затаив дыхание, когда он пропал из виду на фоне маленькой черной цели в отдалении. Экипаж выпал из бронемшины. Значит, наш выстрел попал в цель и вывел танк из строя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.